

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

ЛУЧШАЯ КРИМИНАЛЬНАЯ ДРАМА

ОТСТУПНИКИ

Владимир Григорьевич Колычев

Отступники

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8219562
Владимир Колычев. Отступники: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-72853-4

Аннотация

В провинциальном Тиходольске который год хозяйничают уголовники. Руководит ими криминальный авторитет по кличке Мирон. Наглый, ошалевший от богатства и вседозволенности, он однажды похищает местную красавицу Юлию и несколько дней «развлекается» с ней в своем шикарном особняке. Мирон на сто процентов уверен, что преступление сойдет ему с рук. Но он ошибается. За Юлю есть кому заступиться. Бывший спецназовец Игорь Дергун объявляет войну зарвавшемуся уголовнику. Отморозок будет уничтожен. Дайте только время...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	34
Глава 4	48
Глава 5	64
Глава 6	80
Глава 7	91
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Владимир Колычев

Отступники

Глава 1

Огневой бой – это хаос, но так может считать только необстрелянный новичок. Игорь Дергун уже не такой: за полгода в Чечне он успел хлебнуть лиха. Хаосом для него был несчастный штурм Грозного, когда озабоченные личной выгодой генералы решили повоевать на чье-то, далекое от интересов страны благо. Тогда неразбериха была во всем – и в планах, и в их осуществлении. Да и сейчас бардака более чем достаточно, но это в общем, а в частности, перед группой стоит четкая задача – захватить и зачистить четырехэтажный дом, в котором засели боевики. Дом старый, толстостенный, разрушить его не смогли даже авиабомбами. Врага можно выбить только штурмом. А враг серьезный. «Чехи» стреляют грамотно – берут не столько плотностью огня, сколько меткостью. То из одного окна очередью прострелят, то из другого, и еще снайпер работает. Глазницы окон темные, за ними никого не видно, и не знаешь, откуда ударит автомат или пулемет. А пули с противным воющим гулом вспарывают пространство, а рикошетный визг и вовсе невыносимо действует на нервы. Оттого и может возникнуть ощущение хаоса и

безнадеги.

Но такое ощущение знакомо всякому, кто впервые садился за руль и выезжал в центр города. Мчащиеся машины, встречные и поперечные автопотоки, внезапно появляющиеся светофоры, да еще скорости переключаться не хотят. А если разобраться, привыкнуть, то ничего страшного. Так и в бою. Здесь главное не суетиться и внимательно наблюдать за обстановкой. И если заметил автоматчика, то нужно мгновенно реагировать – или голову прятать, или открывать огонь, тут уж в зависимости от обстоятельств. И снайпера засечь, в принципе, можно, если не зевать. Для Игоря это не первый такой бой, и он уже не теряет голову от выстрелов, знает, как уходить от огня. Чутье на опасность у него появилось еще при боевом крещении, а сейчас оно еще и обострилось. Сейчас он чувствовал себя намного увереннее, чем в первом бою, но все равно страшно. Очень страшно. И главное для него сейчас – это выжить. А чтобы выжить, надо убивать.

Группа уже на исходной позиции, в развалинах, которые остались от кирпичных гаражей. Дом отсюда как на ладони, но впереди двадцать метров открытого пространства. Обломки стен, кирпичи, балки, обрывки газет, прочий мусор – все это есть, но нет ничего, за чем можно было бы укрыться от огня. И это пространство надо будет преодолеть. Для того и зарычали позади танковые моторы. «Т-72», «зверь», шумно выкатился из-за дома; его угрожающий рык страшен

только для врага, для Игоря же он как бальзам на душу. Сто-двадцатипятимиллиметровые снаряды стену не разрушат, но боевикам все равно достанется. Вот они уже и нервничать начинают.

Игорь заметил движение за окном, навел ствол и нажал на спусковой крючок. Автомат послушно отозвался и с грохотом выплеснул трассирующую струю в темноту заоконного пространства, которую вдруг заволокло сизым дымом. Это кто-то шарахнул оттуда из гранатомета по танку. Выстрел оказался точным. Заряд угодил в лобовую проекцию башни, взорвав часть гибкого экрана динамической защиты. Шумно, эффектно, но безрезультатно. Гладкоствольная пушка стремительно навелась на цель, громыхнул выстрел, и в оконный проем влетел фугасный снаряд. Возможно, стрелок успел сменить позицию, хотя и не факт. Чеченские гранатометчики без наркоты на танки, как правило, не выходят: слишком опасная у них работа, чтобы воевать без прививки от страха. А наркота в чем-то может обострять реакцию, а в чем-то, напротив, тормозить.

Вслед за одним выстрелом ухнул второй, третий. Дом заволокло тротилowym дымом и пылью. Танк прикрыт пехотой с боков и с тыла, а в лоб его из гранатомета взять непросто. Разве что по верхним люкам шарахнуть, но боевикам для этого не хватит высоты. И все-таки по танку выстрелили еще два раза. В первом случае на гранатометчика среагировал снайпер, и кумулятивный заряд попал в белый свет, как

в копеечку, а во втором – стрелок просто промазал; и плохая видимость тому виной, и, возможно, нервы. А может, и руки не из того места растут. До четвертого выстрела дело так не дошло. К танкистам присоединились огнеметчики, в ход пошли «шайтан-трубы». Огнемет «Шмель» – мощная штука, и боевики почувствовали это на себе. А пока они приходили в себя, группа поднялась в атаку.

Игорь был уже возле самого дома, когда из косого пролома в цоколе выплеснулась короткая прицельная очередь. Автоматная пуля ударила в бронежилет, но пробить его не смогла. В пылу боя Игорь даже не почувствовал боли от удара, она даст знать о себе позже. А сейчас надо подавить огневую точку. Сам Игорь уже находился в мертвой зоне, но за ним бежали его друзья. А граната с крепления снимается легко, заученным движением снимается предохранительная чека. Сейчас главное – не промазать.

Граната полетела точно в пролом. Расчехляя вторую «РГД», Игорь прижался к стене, которая даже не дрогнула от взрыва за ней. С гранатой шутки плохи, но, даже упав противнику под ноги, она может оставить его в живых. Поэтому лучше закрепить успех. После второго взрыва Игорь сам ринулся в пролом, обложенный изнутри мешками с песком. Сбивая в кровь локти, втиснулся в темноту, затянутую едкой тротиловой гарью. Каска при этом съехала набок, но удержалась на голове.

Пол подвала находился как минимум на метр ниже уровня

отмостки, поэтому на легкую посадку Игорь даже не надеялся. Нога ткнулась в чье-то дергающееся тело, которое повело в сторону, но сейчас лучше упасть, чем двигаться в полный рост. Игорь упал на груды кирпичей, закатился под нее и выстрелил в лежащего на полу боевика, добив его. И затих. Он и без того совершил маленький подвиг, излишнее геройство сейчас ни к чему. Главное – выжить. А убить его сейчас могли как свои, так и чужие. Загонят в пролом огнеметный заряд, и прощай, любимая. А Игорь должен был вернуться к своей девушке. Не зря же Юля ждала его почти два года.

Глаза уже привыкли к сумраку, когда в подвальный отсек вбежали двое. Причем их привлекала не амбразура, они собирались отражать атаку с той стороны, откуда прибыли. Штурмующие уже ворвались в подвал, остался последний отсек, который запросто могли забросать гранатами. В полутьме Игорь смог худо-бедно разглядеть боевиков. Один уже в годах, с бородой, другой совсем еще юный, безусый. Но возраст врага сейчас не имел никакого значения – и тот, и другой подлежали уничтожению. А убивать Игорь давно уже научился...

Бородача он снял короткой очередью в спину, а молодой пугливым зайцем отпрыгнул в сторону, отбросив автомат. Игорь выстрелил и в него.

– Свои! – истошно заорал он. – Все чисто!

Груда кирпичей могла защитить его от пуль и осколков, но только в том случае, если граната не ударится в потолок

и не отскочит в самый угол, где он сейчас находился.

В отсек ворвались двое, верзила Костя Горин и коренастый крепыш Витя Марцев.

– Дергун, ты, что ли? – дрожащим от перенапряжения голосом спросил Костя.

А Марцев навел автомат на молодого чеченца. Игорь услышал, как жалко заскулил приговоренный.

– Витек, оставь его!

Только что Игорь с легкостью стрелял в этого сосунка, но сейчас он готов был встать на его защиту. Наверху все стихло, и в подвале уже не стреляют. Все, закончился бой, ни к чему лишние жертвы.

Игорь подошел к чеченцу, который сидел на полу, коленями закрывая подбородок. Обхватив голову руками, он умоляюще смотрел на него. Совсем еще пацан, вряд ли больше семнадцати. Большие без раскосости глаза, чернящие брови, острый с кривизной нос, кожа, едва знакомая с бритвой. Но ведь этот сосунок стрелял в русских солдат, которые были такими же молодыми. И скольких он убил?..

– Сопля еще зеленая, – сплюнув ему под ноги, сказал Дергун.

– Зеленые сопли ядовитые!.. – зло процедил Марцев. – Кольку Глухова убили... Может, эта падла и убила!..

Игорь кивнул. С Колькой Глуховым он начинал службу и в Чечне с ним с первого дня. За Кольку он сам готов был пристрелить любого. И если Марцев хочет отомстить, мешать он

ему не станет.

Но Витя стрелять не стал. Игорь своим окриком укротил волну ярости, которая не поднялась в полную силу.

– Урод! – Он ударил чеченца прикладом в лицо и, схватив за шкирку, потащил к выходу.

Бой окончен, пора подсчитывать потери и собирать пленных... Но сколько еще впереди таких боев. Сто дней до приказа уже на исходе, но дембелей не сразу распустят по домам. Может, через месяц после приказа, а может, через два. А обстановка в Грозном серьезная, центр города уже занят, но на окраинах еще вспыхивают бои. Возможно, они разгорятся с новой силой.

* * *

Небо низкое и темное, как отсыревший потолок в тюремном карцере. Холодный злой ветер швырял в лицо колючие снежинки. Но мужчина в затертом кожаном пальто, казалось, не замечал непогоды. Жесткие грубые черты окаменелого лица, суровый морозный взгляд, монументальная тяжеловесность в мощном теле, и стоял он уверенно, как столетний дуб, корнями вросший в землю. Никакая стихия, казалось, не могла сдвинуть его с места.

– Это наша земля, мы здесь стояли, когда тебе мама сопلي вытирала.

Голос у него низкий, гудящий, басы и звенят в нем, и хри-

пят. Стоящий перед ним здоровяк с бритой шишковатой головой смотрел на него, как на притормаживающий паровоз. Вроде бы остановиться эта махина могла, но если тормозам не хватит мощности, она может и раздавить. Успеть бы отпрыгнуть...

– В твоей земле тебя и похоронят, – сказал здоровяк.

Он чувствовал себя не совсем уверенно, но и страха в нем не было. Бригада под ним серьезная – четыре десятка бойцов. Организация, обеспеченность и оснащенность – все на высоком уровне. Промышленный район Тиходольска – металлопрокатный завод, комбинат строительных материалов, прядильная фабрика и прочее, взятое в частную собственность. Все предприятия работают исправно и приносят в бандитский общак приличные деньги. Банк, гостиница, рестораны, автосалон, техсервис, вещевой рынок и магазины – все это также под полным контролем заводской братвы. И еще свое казино в Москве.

В Октябрьском районе города своя мафия, но войны с ней уже два года как нет. Все хорошо было у заводских, пока в их пираньем пруду не завелась щука.

– Как Говорца? – спросил у здоровяка вор.

Когда-то Сергей Миронов благовал в команде законного вора Говорца, под его началом снимал дань с местных цеховиков и выставял хаты состоятельных граждан. Семь лет назад он сел за вооруженный разбой, а вернулся на чужую землю. Говорца давно уже нет: загнулся от передоза. Старый

вор плотно сидел на игле, и такой исход не должен был удивлять Мирона, но все-таки он провел разбор. Заводские помогли загнуться Говорцу, именно к такому выводу он и пришел. Но предъявить что-либо заводским он не мог: не хватало фактов, а на догадках далеко не уедешь. Без фактов можно, когда сила есть, а Мирон тогда ничего не мог противопоставить «новым».

Зато сейчас под ним сила. Всего за пару месяцев он сколотил команду из своих старых тиходольских дружков, усилив ее бывшими сокамерниками. И с московскими ворами сошелся, заручился их поддержкой – как моральной, так и материальной. Так уж вышло, что Тиходольск выпал из сферы воровского влияния. Лихая волна беспредела ударила по всем – и по ворам, и по ментам с их правопорядком. Распоясались «новые», страх потеряли, но кто-то же должен был поставить этих «быков» в стойло. Воровское движение снова пошло в цвет, но Тиходольск так бы в стороне от него и остался, если бы не Мирон. Он ведь сам вышел на реальных воров, предложил им свой план. От законников нужна лишь самая малость – объявить его смотрящим, а город он возьмет под себя своими силами. Полномочия он получил, и дело пошло. Сначала он предъявил заводским за Говорца, бросив им тем самым вызов. А сегодня он выставил права на Промышленный район, предложив заводским отстегивать процент на воровской общак. Братва забила на его предложение, отсюда и эта стрелка, с которой кто-то отправится в

свой последний путь.

– Как Говорца, – кивнул Лева Свищ.

Он понимал, с кем имеет дело, но вызов принял. За его спиной два с лишним десятка бойцов, у одних автоматы, у других помповые ружья, безоружных попросту нет. Сила не просто серьезная, а, казалось бы, непреодолимая. Но Мирон со своей дюжиной бойцов вел себя так, как будто за ним – неоспоримое преимущество. И это при том, что пистолет был только у него.

– Говорец был законным вором. Ты это знал, поэтому сделал его чисто. Со мной такой номер не пройдет.

– Ты не в законе, – покачал головой Свищ.

– Кто тебе такое сказал? – замораживающим взглядом посмотрел на него Мирон.

Он не был законным вором, но мог стать им. У него авторитет, за ним две ходки без косяков, он отрицала по жизни... Может, его еще вчера титуловали, а Свищ этого и не знает.

– Ну а если в законе, то что?

Свищ мог бы поднять собеседника на смех, но гипнотический взгляд вора заставлял задуматься. Он и сам умел гнуть и подавлять всей тяжестью своего духа, но Мирон оказался для него крепким орешком. Хотя он и не считал его неразрешимой проблемой.

Мирон едва заметно повел плечом, и в ладонь из широкого рукава лег пистолет. Когда заводские вскинули стволы, Мирон уже протягивал свой «ТТ» Свищу, рукоятью вперед.

– Можешь меня прямо здесь похоронить, посмотрим, что будет.

За коронованного вора особый спрос, и Свищ должен был это понимать. Он хоть и «новый», но понятия имеет. И еще он знает, какая сила стоит за Мироном. Москва недалеко, и оттуда может прилететь торпеда, причем не одна. И сможет ли Свищ отбить воровскую атаку – большой вопрос.

Именно этот вопрос и заклинил сознание бригадира. Он смотрел на Мирона невозмутимо, без внутреннего содрогания, но ему не хватало уверенности в собственных силах, поэтому и во взгляде угадывалась растерянность.

– Ну, чего ты зависи? – едва заметно усмехнулся МIRON. – Можешь из своей волины шмальнуть.

Свищ – серьезный противник, и он запросто мог его пристрелить. Сейчас он придет в себя, возьмет ствол, приставит его к голове и нажмет на спусковой крючок. Рука у него не дрогнет... МIRON это понимал, но все-таки он должен был выдержать паузу, прежде чем сделать свой ход. Эта пауза могла стоить ему жизни, но ведь он уже приготовился к смерти. Или пан, или пропал. Или все, или ничего. Только так и никак иначе. С таким настроением он и шел на врага. Ни себя не щадил, ни своих людей, которых могли положить здесь, на этой заснеженной поляне. Ему не впервой идти ва-банк, и всегда фортуна улыбалась ему, но сегодня могла произойти осечка. Но ведь он к этому готов.

Опасная пауза затянулась. Казалось, она зачаровала за-

водских, бойцы один за другим опускали ружья и автоматы стволами вниз. Они в любой миг могли взять оружие на изготовку и открыть огонь, но Мирон уже просто не мог повернуть назад. Будь что будет.

Свищ едва заметно дернулся, словно растормаживаясь, и повел рукой, чтобы взять у Мирона пистолет. Но именно в этот момент жерло ствола вдавилось в его переносицу, и тут же грянул выстрел. Мозги фонтаном выбрызнулись в толпу, стоящую позади жертвы.

– Так это делается, – спокойно сказал Мирон, ловко сунув пистолет за пояс.

Он умел работать за щипача, а потому фокусничать с оружием научился легко и быстро.

Заводские вскинули оружие, но стрелять никто не решился. Если уж сам Свищ побоялся убить законного вора, то и другим идти на это не с руки. Тем более воровская команда и не собиралась отстреливаться.

– Ты за бригадира! – глянув на мордастого амбала, резко сказал Мирон.

Вася Фрукт был правой рукой Свища и мечтал занять его место, на этом и нужно было сыграть.

– Э-э...

Фрукт понимал, что на место бригадира его мог назначить только сход, к которому какой-то там Мирон не имел никакого отношения. Но ведь Мирон в законе, он сам по себе большой человек, и его слово может иметь вес. Так почему

бы не послушать его?.. Как всякий тугодум, Фрукт мыслил примитивно. Именно на его предсказуемость Мирон сейчас и рассчитывал.

– Кто-то против?

Мирон обвел толпу свирепым взглядом. Он вел себя как волк, в жестоком бою одолевший одряхлевшего вожака стаи. Именно как на такого волка заводские пацаны на него и смотрели.

Права на стаю мог заявить волк только из своих, но неспроста же Мирон объявил Промышленный район своей территорией. Он когда-то держал здесь масть, и не он чужой, а эта молодая поросль, которую привел за собой Свищ. А пацаны не хотят быть чужими, а раз так, то выбор у них невелик – или убить Мирона, или признать его своим. А убить законного вора нельзя – такой вот замкнутый круг. По этому кругу их мысли сейчас и бегали, чем он, Мирон, и пользовался. Он прошел суровую школу выживания и знал человеческую натуру с изнанки. Но это вовсе не значило, что его вариант беспроектный. Он мог ошибиться, и тогда все...

– Если кто-то против, говорите сейчас, – глядя, как опускаются стволы, сказал Мирон.

В его голосе не было ликования. Ничего особенного ведь не произошло, подумаешь, подмял под себя бригаду и сменил одного бригадира на другого... Пусть братва думает, что вершить судьбы – это привычное для него дело.

– Это сход, потом будет поздно.

Голос у него густой, звучный, обволакивающий, заставляющий повиноваться.

Заводские бандиты ошеломленно молчали, глядя на него. Шок уже прошел, а боль осталась. Как же так, они шли в бой за своего бригадира, а тут вдруг их враг объявляет сход и ставит на район своего назначенца. Но возражений не последовало, потому что в этих событиях просматривалась четкая логика. Мирон же не собирался разгонять «новых» и ставить на район «старых». Он всего лишь объявил эту территорию своей и выставил счет. Свищ отказался отстегивать на воровской общак и поплатился за это своей жизнью. Его место теперь займет Фрукт, и все пойдет как прежде, только вот с воровским смотрящим придется делиться. Но так это не зашло, все в рамках законов и понятий. Если вор представляет реальную, а не дутую силу, то почему бы и не платить? А что еще волки могут признавать, как не силу? Золотым тельцом их не подкупишь, они просто-напросто его сожрут, а перед силой – и голову склонят, и часть своей добычи отдадут. Таков закон дикой природы, который не отменить никакими указами и постановлениями.

Глава 2

Танки, боевые машины, бронетранспортеры – грохот моторов, пыль столбом. Шумно и грозно ползет колонна по долинам и по взгорьям – звери разбежались, суслики забились по норам. И только стервятник спокойно парит в небесах. Он смотрит на людей, он ждет, когда они станут для него добычей. Стервятник – предвестник беды, Игорь Дергун это знал, и так ему хотелось пальнуть в небеса из автомата. Но, даже убив крылатого падальщика, беду не отведешь. Раз уж одолевает предчувствие, то надо смотреть по сторонам, выискивая притаившуюся опасность. Засады в Чечне дело привычное, и даже на равнине можно попасть впросак. И будет обидно нарваться на пулю под самый занавес. До Моздока уже недалеко, а там погрузка техники на железнодорожные платформы, и ту-ту, к месту постоянной дислокации. А там уже и заветную печать в военный билет поставят. Отслужил два года – и домой...

Дурное предчувствие не обмануло – под бронетранспортером рвануло. Взрыв мины на миг оторвал машину от земли, стряхивая с брони десант. Оглушенный Дергун полетел в траву на обочине дороги, в падении больно ударился головой о землю. Но это не помешало ему подняться, найти свой автомат и даже приготовиться к обороне. Но стрелять было не в кого. Единственная мина сработала под их машиной, на

этом все и закончилось. Игорь поднялся, шагнул к ротному, который почему-то бежал к нему, и небо перед глазами поменялось вдруг местами с землей. Теряя сознание, он успел почувствовать, как на руку капнуло что-то теплое и липкое.

* * *

Водка хорошо идет под настроение. Когда на душе груз, она его утяжеляет, в горе подсыпает перцу, а если все хорошо, тогда водка веселит и даже окрыляет. А если еще морфинчику добавить...

А у Мирона все путем. Октябрьский Сабур сам назначил ему стрелку, но не в поле на вилах, а в кабаке за столом переговоров. Сабур сам предложил взнос в общак, а это иначе как победой не назовешь. И все-таки Мирон долго разговаривал с предводителем октябрьской братвы, выискивая в его предложении подвох. Может, Сабур затеял какую-то опасную игру против него? Может, не дар принес, а бомбу замедленного действия?.. Но нет, Сабур просто не хотел проблем и боялся повторить судьбу Свища. Он знал, чего хочет от него Мирон, поэтому сам сделал первый шаг. Все правильно, лучше уступить добровольно, чем согласиться из-под палки...

– В принципе, нам воровская власть нужна, – с важным видом сказал Сабур.

Крепкий он парень, как изнутри, так и снаружи. Такие натуры не гнутся, но ломаются. Значит, он чувствовал в Ми-

роне ту силу, которая могла переломить ему хребет. Что ж, это не могло не радовать...

А за Мироном воры, и своя бригада у него. Оружие, деньги – все это есть. Но главное, он умеет спрашивать – жестко и убойно, как это было со Свищом. Пацаны у Мирона вроде бы ничего, только вот рожками вышли не все. Глянешь, например, на Мурзу, и возникает желание перекреститься. Жабьи глаза, свиной пятак, челюсть мощная, вытянутая, как у лошади. Сурок и Хнырь чуток покраще, но и этих на люди лучше не выводить. Да их в ресторане и нет, на хате они, ждут, когда их на дело дернут. А с Мироном Отвал и Сазон, такие же угрожающего вида качки, как и те, которые маячат за спиной у Сабура. Смотрятся они внушительно, только тупые, как на подбор. Зато костюмчики на них сидят, и стреляют они вроде бы неплохо.

– А то рамсы с заводскими возникают, – продолжал Сабур. – А их разводить надо. Кровь, сам понимаешь, никому не нужна...

Мирон кивнул и молча поднял рюмку. Дескать, за такие слова грех не выпить.

Договор состоялся, и они оба позволили себе расслабиться. И водка легко идет, и они хорошо сидят.

– Залетные иногда наезжают, ну, мы их на место ставим, а если вор слово скажет, будет проще...

Мирон кивнул. Эти бы слова да Карлосу в уши. Законным вором ему пора становиться, чтобы не на ножах, а на сло-

вах проблемы разруливать. И Фрукту это нужно, и Сабуру, и прочим всякой разности авторитетам, на которых держится город. Более того, бандиты уже возвели Мирона в этот ранг. Он всего лишь намекнул на изменение в своем статусе, а братва приняла это за чистую монету. Тот же Сабур обращается к нему, как будто он коронованный вор.

Но Мирон пока что еще чужой для Карлоса – не мотали они срок в одной зоне, не было у них прежде общих точек соприкосновения. Мирон хорошо знал только одного вора в клане Карлоса, но Гармак там фигура далеко не самая крупная, он может за него только голос подать, а там уж как сход постановит. А кто такой Мирон, чтобы серьезных людей из-за него тревожить? Тиходольск под себя взял?! А сколько лавья на общак прогнал? Сорок штук бакинских? Всего-то? Вот когда зеленый лимон обломится, тогда и поговорим...

А чтобы до такого лимона дотянуться, нужно удерживать город. На том положении, которое существует, удерживать. Нет короны, но есть «торпеды», которые пустят кровь любому. Если вдруг что, никаких стрелок больше не будет. Дернется тот же Сабур и сразу же сядет на перо, чтобы другим неповадно было. Пусть Мирон и не законник, но статус за ним все равно крутой. Вор он, вор на положении, и полномочия у него очень серьезные. Так что горевать нечего...

– Все в цвет будет, Сабур, – пошевелил желваками Мирон. – Беспредела в городе не будет, отвечаю.

Сабур кивнул, и вдруг его бровь от удивления поползла

вверх. Мирон проследил за его взглядом и увидел немолодую уже, но все еще роскошную женщину с ярко-светлыми волосами. Не самые красивые черты лица у нее, но притягательности в них как в целой вселенной. Глаза как два колодца с голубой ключевой водой, а взгляд вызывает желание. А это желание Мирон испытывал давно, только вот утолить его не получалось. С красавицей Вероникой крутил Томат, а Мирону оставалось только облизываться на нее и пускать слюни. Томат не зря получил кличку, он пускал кровь с такой легкостью, как будто это был помидорный сок. И ему ничего не стоило поставить Мирона на перо. Да и авторитета у Томата было поболее.

Томата закрыли еще в восемьдесят шестом году, а вместе с ним из города исчезла и сама Вероника. Говорят, она отправилась на севера, как говорили, в те края, куда этапом ушел Томат. Так это или нет, Мирон выяснять не стал, не до того было. Возможно, Вероника просто на заработки подалась. Томат сгинул в лагере – нарвался на беспредельщиков, и те втихую его замочили. Нет больше Томата, но Вероника снова в Тиходольске. Такая же роскошная, как и прежде, – яркая, сочная, и легкая полнота ей к лицу. И раньше она ходила в фильдеперсах, и сейчас вся из себя. И мужик с ней солидный – темно-серый костюм в тонкую полоску, сам начищенный, как медный пятак. Важный, деловой, грудь колесом, плечи крыльями. И Вероника светится рядом с ним. Бабьим счастьем светится.

Сабур не мог понять, как эта парочка сюда попала. Вроде бы ресторан взят на спецобслуживание, охрана выставлена, и гардероб не работает. А эти двое и верхнюю одежду сняли, и в зал как ни в чем не бывало прошли. И мужик ведет себя здесь по-хозяйски. И даже возмущен, что людей мало. Он что, тупой?

– Ты этого лоха знаешь? – спросил Мирон.

– Да нет... И лярву его...

Мирон предостерегающе вскинул руку, обрывая Сабура. Пусть лучше ничего не говорит, а то как бы за свои слова не ответить. Все-таки речь о Веронике шла, а Мирон в былые времена боготворил эту женщину. Да и сейчас она всколыхнула в нем сильные чувства.

– Пойду, поговорю.

Мужик уже понял, что попал на чужую свадьбу, собрался уходить, но Мирон перекрыл ему путь.

– Какие люди! – сверкнув золотой фиксой, скупно улыбнулся он.

Вероника смотрела на него в замешательстве. Вроде бы она и узнавала его, но имя вспомнить не могла.

– Мирон я, – недовольно покачал он головой. Обидно стало, что Вероника совершенно забыла его.

– Да, Мирон, – кивнула она. И вымученно улыбнулась. – Здравствуй, Мирон!.. Извини, нам уже пора.

– Да, мы пойдем, – взяв Веронику под руку, сказал мужик.

И куда только делась его деловитость. Мягкотелый он по

натуре, потому и наложил в штаны перед лицом крутого во-
ра. Мирон едва глянул на него. Этот чушок заслуживал толь-
ко презрения.

– Ты иди, а Вероника останется. Да, Вероника?

– Не могу я остаться, Миша мой муж...

– Ну, и муж пусть остается, мы ему груш закажем, – ух-
мыльнулся Мирон.

– Не надо так! – угрожающе нахмурилась женщина. Блат-
ной кошкой она была в прошлом, и коготки умела выпускать.

– Узнаю нашу Веронику! – разудало подмигнул ей Мирон.

– Не надо меня узнавать, – стушевавшись, покачала она
головой. – Пора нам...

– Да куда пора! Я ж тебя не съем! Ну, посидим, выпьем,
старое вспомним...

– Нет, нет, – Вероника схватила муженька за руку и ре-
шительно потащила его к выходу.

Мирон отпускать ее не хотел, но и останавливать не стал.
Не желал он устраивать сцену на глазах у Сабура. Проводив
Веронику взглядом, вернулся к столу.

– Старая знакомая, – глядя, как Сабур разливает водку,
сказал он. – С моим корешем когда-то гуляла. Кореша на
этап, и она за ним. Такая любовь была...

Мирон достал сигарету, но не закурил. Щелкнул пальца-
ми, подозвал к себе Сазона и велел ему идти за Вероникой.
Выследить ее надо было, узнать адрес. Как он мог упустить
женщину-мечту?

– А кореш в зоне с животными завязался, они рога в него и вмочили, наглухо. А Вероника, значит, вернулась... Козырная женщина, да?

– Ну-у... – Сабур скривил губы в одну сторону, а глаза скосил – в другую.

– Ничего ты не понимаешь, – угрюмо глянул на него Мирон.

Не очень-то понравилась Сабуру Вероника, но так это не трудно понять. Сабуру лет двадцать пять, не больше, молодой он еще для женщины не первой свежести. А Мирону сорок два года, и Веронике далеко за тридцать. Дочка у нее уже была, когда с ней Томат закрутил. Девчонка ее уже в школу ходила...

– Ну, ты можешь оценить мой вкус, – усмехнулся Сабур.

– Не понял, – косо глянул на него Мирон.

– Я тут насчет сауны распорядился, девочек подвезут, самые лучшие будут. Ну, на мой вкус...

– Теперь понял.

Не хотел Мирон ехать в сауну. Девочек он бы помял в охотку, не вопрос, но Сабур еще не настолько свой, чтобы топтать вместе с ним баб. Но в то же время и пацана обижать не хотелось. К тому же предчувствие опасности не беспокоило. Молчит его чуйка, которой он так доверял...

– Ну, так что? – выжидательно посмотрел Сабур.

Судя по его поведению, он реально хотел подружиться с Миронем и, возможно, объединиться против заводской

братвы. Но если так, то принцип «разделяй и властвуй» никто еще не отменял.

* * *

Отступает зима. Холодно еще, но уже вместо снега с неба капает дождь, смывая наледь с тротуаров. Вероника вышла из подъезда, раскрыла зонт и неспешной походкой направилась к остановке. Раньше она так лихо крутила «восьмерки», что дух захватывало. Сейчас эта женщина задницей напоказ не вихляет, но тем не менее движения легкие, грациозные, волнующие. Красивая у нее походка. И сама она яркая, возбуждающая. Мирон с вождением смотрел на нее.

– Чего стоишь, поехали?

Отвал плавно тронул машину с места.

Крутые авторитеты предпочитают дорогие иномарки, но Мирон остановил свой выбор на «Волге» – в память о старых, хотя и не всегда добрых временах. Тем более «Волга» у него новенькая, и это уж никак не хуже, чем подержанная иномарка.

Отвал обогнал Веронику, остановился, и Мирон вышел из машины. Дождь идет, а ему хоть бы хны.

– Ты?! – шарахнулась от него женщина.

– Что-то не так? – нахмурился Мирон.

Красавцем он никогда не был, но бабы его любили – за крутой нрав, за смелость. И Вероника хорошо к нему отно-

силась. На шею не вешалась, но и от себя не гнала.

– Да нет, все так... – натянуто улыбнулась женщина. – Просто все так неожиданно.

– Подвезти?

– Спасибо, я уже пришла, – показала она на остановку под шиферным козырьком.

– Королевы на троллейбусах не ездят, – покачал головой Мирон.

– Я не королева...

– Для мужа, может, и не королева...

– Для мужа-то как раз и королева, – не согласилась она.

– А чего ж муж на машине ездит, а ты пешком?

Мирон уже навел справки о ней. И про ее мужа, Заварихина Михаила Игнатьевича, узнал. Главный инженер дорожно-строительного управления, квартира у него в центре города, личная «семерка». Ничего особенного, но жили они с Вероникой неплохо, и даже в рестораны время от времени ходили.

– Ему машина нужней, – пожалала плечами Вероника. – И прав у меня нет.

– А ты скажи, я куплю...

– Ух ты! – задиристо усмехнулась она, напомнив прежнюю Веронику. – С какой это стати?

– Да вот шефство решил над тобой взять. Времена нынче беспокойные, а я на положении, если вдруг что, можешь обращаться ко мне.

– На положении?

– Да, за городом смотрю.

– Круто.

– Наше время пришло, Вероника, – усмехнулся Мирон.

– Чье наше?

– Воровское.

– А я здесь при чем?

– Ну, была же при чем...

– Когда это было!

– Но ведь было! – Он пристально смотрел на женщину.

Хочет она того или нет, но ей никуда от него не деться. Они были в одной связке раньше и сейчас будут вместе. Только раньше у нее был Томат, а сейчас будет он... Эту мысль Мирон и пытался ей внушить.

– Ты меня пугаешь! – взбудораженно посмотрела на мужчину Вероника.

– Садись, поговорить надо, – властным тоном сказал он и взглядом показал на машину.

– Не надо ничего! – мотнула она головой.

– Я ведь не уйду. Хочешь, чтобы я промок?

– Э-э... Ну, ладно.

Не хотела она садиться к нему в машину, но деваться некуда. Мирон открыл ей дверь, помог сесть назад, сам устроился рядом.

– Куда едем? – спросил он.

– На улицу Фрунзе.

– Понятно, – кивнул Мирон.

– Что тебе понятно? – сквозь прищур внимательно посмотрела на него Вероника.

От нее потрясающе пахло, и ему хотелось обнять ее, носом зарыться в волосы... Мирон едва сдерживал себя от такой вольности.

– Ателье на Фрунзе, там работаешь, на полставки.

Вероника в прошлом шила себе сама, и это здорово у нее получалось. Всегда яркая и нарядная, как Нинка с картинки...

– Ты откуда знаешь?

– Не важно, откуда знаю. Важно, что хочу это знать.

– Зачем тебе?

Судя по ее взгляду, она жалела о том, что села в машину.

– Ты никогда не была дурой, – сказал Мирон, в упор и немигающе глядя на нее. – Ты всегда все понимала... И знала, что нравилась мне... Знала?

– Давно это было.

– Давно это было с Томатом. Потому что его больше нет. А со мной это было вчера. Потому что я есть. И всегда буду. И ты никуда от меня не денешься. Это мой город, и мое слово здесь – закон.

Вероника выразительно закатила глаза. И надо же было так вляпаться! Мирон угрожающе свел к переносице брови. Он не хотел быть дерьмом, в которое вляпалась Вероника. Он хотел, чтобы она липла к нему.

– Ты зря нос от меня воротишь, я ведь и обидеться могу.

– Мирон, ну чего ты? – Вероника улыбнулась хоть и с показной, но нежностью. И руку мягко положила на плечо. – Ну, зачем ты злишься? Мы же не враги?

– Не враги.

– А ты смотришь на меня, как будто я у тебя что-то украла. Если бы у нас что-то было, но ведь не было ничего, правда? – принужденно улыбалась она.

– Было, Вероника, было. У меня к тебе было. И осталось. Хочу я тебя. И раньше хотел, а сейчас еще сильнее.

– Но у меня муж, и я его очень люблю, – с нескрываемой досадой проговорила женщина.

– Я все понимаю, но ничего не могу с собой поделать. – Мирон раздевал ее глазами.

– Ну, я не знаю, надо как-то пересилить себя... – Она лихорадочно искала выход из сложившейся ситуации.

Пока еще не психовала, но уже была близка к тому.

– Зачем? Ты здесь, со мной, зачем я должен себя пересиливать?

– Но я не с тобой. Я с Мишей.

– Твой Миша полное ничтожество! – скривился Мирон.

– Нет, он хороший. Он очень хороший! – отчаянно мотнула головой Вероника.

– Чем хороший? Тем, что женился на тебе? Юлю твою удочерил?.. Кстати, сколько Юле лет?

– Восемнадцать... При чем здесь Юля? – испуганно спро-

сила Вероника.

– Я тут на днях с девочкой был, лет семнадцать ей, не больше. Ничего особенного, скажу тебе. Хотя и неплохо... С тобой куда лучше, но с ней тоже хорошо.

– Только попробуй Юлю тронь! – вскипела она.

– Зачем ее трогать, если ты есть? – усмехнулся Мирон.

Юлю он уже видел. Красивая девчонка, чем-то похожая на мать в молодости. Но Вероника всегда была разбитной бабенкой, любила шиковать, а эта – мышка с красивой, но серой шерсткой. Не произвела она впечатления на Мирона. Но если нужно, он готов позабавиться с этой крошкой.

– Чего ты хочешь? – заистерила Вероника.

– Я же тебе все сказал... – Он обнял женщину за плечи, привлек ее к себе, носом коснулся нежной шеи.

Веронику передернуло изнутри, но отстраняться она не стала.

– Я уже не молодая, а вокруг столько юных... Зачем я тебе? – хныкающим голосом спросила она.

– Это ты про Юлю?

– При чем здесь Юля? – вновь запаниковала женщина.

– Ты понимаешь. Ты все понимаешь. И чего я хочу, знаешь, и кого. Это мой город, и я все здесь могу... – хмелея от дурманных ощущений, проговорил он. – Твой муж накосячил, и я могу с него за это спросить...

– Мой муж накосячил? О чем ты?

– Стрелка у нас в кабаке была, серьезный разговор, он в

этот разговор влез. Надо было табличку повесить: «Не влезай – убьет!»

– Никуда Миша не влезал!

– Может, и не влезал, но убьет. И останется твоя Юля си-
ротой, придется чужому дяде приласкать ее и обогреть.

– Какая же ты сволочь! – встрепенулась Вероника.

Она вдруг повернулась к нему и почти без размаха влети-
ла ему пощечину.

– Останови машину!

Пристально и с угрозой глядя на Веронику, Мирон хлоп-
нул Отвала по плечу, и «Волга» вильнула к обочине.

– Ты пожалеешь, – холодно, без надрыва сказал он, глядя,
как она выходит из машины. – Но будет поздно.

– Да пошел ты! – психанула она и громко хлопнула две-
рю.

Отвал проводил ее взглядом и повернулся к Мирону:

– Куда едем?

– За ней. Тихонько.

Он знал, что смог нащупать больную струнку в душе у Ве-
роники. И знал ее саму. Сейчас она перебесится, успокоится
и повернет назад.

Та, прежняя Вероника не сдалась бы, но у этой муж и
дочь, которые могут очень серьезно пострадать. К тому же
тяга к острым ощущениям в ней не перегорела...

Мирон ликующе усмехнулся, глядя, как Вероника резко
повернулась назад и устремилась к его машине. Она шла к

нему с таким видом, как будто собиралась бросить в окно гранату. Но влезла в машину сама.

– Хорошо, твоя взяла! – с вызовом сказала она и, закусив нижнюю губу, посмотрела в сторону.

– Моя всегда берет... Отвал, давай в «Подмосковье».

В этой гостинице он снимал самый дорогой люкс. Там у него все условия для роскошной жизни, в том числе ресторан с отдельным кабинетом. Сначала он пообедает там с Вероникой, затем поднимется в номер. И никуда она от него не денется.

Глава 3

Май – дни все длиннее, а юбки у девчонок все короче. Озорной он, этот месяц, но так по-другому и быть не должно. Все вокруг живет и дышит, цветет и пахнет. Погода сегодня отличная, тепло, солнце, и латунные пуговицы в ряд – золотом горят. Часовые на посту где-то там, далеко, а у Игоря Дергуна – дембель.

Его друзья уволились в запас еще в апреле, а он – только сейчас. И все из-за контузии, которую получил в последний для него день войны. Целый месяц в госпитале провел, но не сожалеет. Его друзья получают медали дома, через военкомат, когда уже и форму надеть не с руки. А у него сейчас на кителе сверкает серебром «За отвагу» и «За боевые заслуги». Причем второй медалью его бы вообще не наградили, если бы не попал в госпиталь. Так что все пучком. Голубой берет, ворот распахнут – тельняшка на виду, погоны на толстой негнущейся пластмассе, аксельбанты... Еще можно было китель золотом подшить, и в госпитале такая возможность имелаась, но глупо устраивать такую клоунату, когда есть серебро боевых медалей.

Домой его тянуло неудержимо, но еще больше он хотел заглянуть на огонек к Юле. Она два года ждала. А может, и не ждала. Может, загуляла, закрутилась, понеслась по кочкам и прочим тому подобным обстоятельствам. Все в этой жизни

возможно, потому и переживал Дергун.

Он подошел к дому старой, еще сталинской застройки. Уютный дворик, яблоня цветет, как тогда, когда он уходил в армию. Скамейка под этой яблонькой, на ней они с Юлей впервые поцеловались. Мама ее тогда вышла, разогнала их. Вероника Ивановна женщина боевитая, дочке спуску не давала и женихов ее не жаловала, но Игорь все-таки смог найти с ней общий язык. Сейчас она могла открыть ему дверь, но это ничуть его не пугало.

Так и вышло – дверь ему открыла Вероника Ивановна. Интересная она женщина, видная, яркая. Здорово, если в ее годы Юля будет выглядеть так же хорошо. Так подумал Игорь, глядя на женщину, которую хотел бы видеть своей тещей.

– Здравствуйте, Вероника Ивановна!

Рука вдруг потянулась под козырек, но Игорь удержал себя от военной привычки. Он в армии отслужил, а значит, человек серьезный, обстоятельный.

– Ну, здравствуй, здравствуй... – разглядывая его медали, кивнула женщина. – А Юли нет, в институте она.

– Жаль.

Игорь посмотрел на часы. Половина пятого, Юле уже пора быть дома.

– Я думаю, она скоро вернется. Какой ты большой стал.

За два года Игорь вымахал почти на десять сантиметров и шириь заметно раздался. Метр восемьдесят шесть у него

рост, в плечах размах.

– На турнике много висел, – невесело сказал он.

– А чего ты загрустил? – усмехнулась женщина, поняв, в чем дело.

– Да нет, не загрустил.

– Заходи, солдат, чаю попьем.

Она взяла Игоря за руку, потянула на себя. Сопротивляться он не стал.

Отчим у Юли хорошо зарабатывал, и обстановка в квартире соответствующая. Чувствовался достаток в доме. Квартира большая, светлая, с высокими потолками. И все это на одну семью. А у Игоря родители жили в двухкомнатной квартире с матерью отца, и еще старшая сестра замуж вышла, потомство ждет. Придется им потесниться...

– Не надо грустить, солдат, – зажигая конфорку под чайником, улыбнулась Вероника Ивановна. – Ждала тебя Юля. И ждет. Верно ждет. Не гуляет, на дискотеки не ходит. И хорошо, что не ходит, время такое, воры, бандиты на каждом шагу, – вздохнула она.

– Бандитов нужно уничтожать, – думая о Юле, Игорь автоматически отреагировал на последнюю фразу.

– Уничтожать?! – встрепелась женщина.

– Ну, наверное, – пожал он плечами. – Мы уничтожали, в Чечне. Там же бандформирования...

– И ты уничтожал? – Женщина с интересом смотрела на него.

– За спинами не отсиживался.

– Страшно было?

– Поначалу да.

– А потом?

– А потом еще страшней, – улыбнулся Игорь. – Чем ближе к дому, тем страшней. Оно, как правило, в последнем бою случается.

– Что случается?

– Ну, со мной контузия случилась. Мы уже домой шли, на мину нарвались...

– Да, Юля говорила, что ты в госпитале был. Она очень переживала...

– Да там ничего страшного.

Не так страшна контузия, как ее последствия. Если махнуть на это дело рукой и не лечить, то можно стать инвалидом на всю голову. Игорь это понимал, поэтому не торопил врачей с выпиской и полностью прошел весь курс лечения.

– Страшно на войне было, а сейчас... И сейчас не все просто. Здесь свои бандформирования, – с горечью усмехнулась женщина. – Только их никто не уничтожает.

– Что-то случилось? – почуяв неладное, нахмурился Игорь.

– С Юлей? Нет, с Юлей, тьфу-тьфу, ничего не случилось.

– А может случиться?

– Почему ты так думаешь? – не на шутку разволновалась Вероника Ивановна.

– Ну, не знаю. Вид у вас такой...

– Какой?

– Как будто что-то с Юлей произошло, – сказал парень.

– Да нет, показалось тебе, – в замешательстве посмотрела на Игоря женщина.

– А Юля всегда так поздно приходит?

– Да нет, не поздно...

– У них что там, факультативы?

Раньше в Тиходольске вообще не было высших учебных заведений, но в прошлом году открылся филиал юридического института. Юла писала, что, по сути, это шарашкина контора, но тем не менее она получит диплом государственного образца.

– Да нет у них факультативов. Может, и поздно, – пожалала плечами Вероника Ивановна.

– Я пойду встречу ее?

– Конечно, иди!.. Да, да, надо встретить! Она пешком обычно ходит! – обеспокоенно закивала женщина.

Игорь знал, где находится институт, к нему он и направился вдоль центральной улицы.

Юлю он увидел неподалеку от института, она стояла у витрины главного универмага и с обескураженным видом разговаривала с каким-то мужиком в кожаном пиджаке. Немолодой уже мужчина, с лысоватой макушкой. Крупная голова на кряжистой шее, широкие плечи, ноги сильные. Покатый лоб, большие надбровья, крепкий нос с мясистыми ноздря-

ми, губы настолько тонкие, что их не видно.

Он был не один, чуть в сторонке от него стоял громила в кожаной куртке. И у этого такие же грубые и массивные черты лица, и физическая мощь бросалась в глаза. Игорь поймал себя на мысли, что не хотел бы столкнуться в рукопашном бою с таким исполином. Хотя если саперную лопатку взять или нож разведчика, тогда без разницы, но не было при нем ни того, ни другого.

Юля выглядела растерянной и едва заметно пятилась от плешивого. Он что-то ей говорил, небрежно улыбаясь, а она робко отшагивала назад. Этот дикобраз явно подавлял ее своей запредельной энергетикой, а она боялась послать его.

Увидев Игоря, она подпрыгнула на месте от радости. Глаза загорелись, улыбка озарила лицо, ноги сами понесли к любимому.

Внешне Юля напоминала мать, но не было в ней той боевитости, задиристости, которой отличалась Вероника Ивановна. Худенькая она, хрупкая, застенчивая. Милая и очень женственная. Игорь чуть не захлебнулся от восторга, когда Юля утонула в его объятиях. И даже о плешивом забыл.

– Не понял, это что такое?

Зато плешивый не обошел его вниманием.

– Ой! – Юля отпрянула от Игоря и спряталась у него за спиной.

Мужик явно был подшофе, хотя перегаром от него не тянуло. Может, обдолбился? Зрачки сужены, глаза хищно со-

щурены, желваки зло раздуваются.

– Ты кто такой? – пристально глядя на Игоря, спросил он.

– Юля, кто это такой? – не сводя с него глаз, обратился к своей девушке Дергун.

– Не знаю. Подошел, сказал, что маму хорошо знает...

– И маму твою знаю, и тебя такой помню... – глянув на нее, кивнул мужик. И ладонь поднял на метр от уровня земли. – Но дело не в этом, а в том, откуда ты взялся, солдатик? – пренебрежительно скривив губы, спросил он.

– Из армии взялся.

– Из армии?.. Ты его знаешь? – Мужик пальцем показал на Юлю, а потом ткнул им в Игоря.

– Это жених мой. Он из армии вернулся. Я его два года ждала!

Голосок у Юли нежный, ласковый, но сейчас он звенел от негодования.

– А дядю Сережу не ждала?

– Нет, дядю Сережу не ждала!

Игорь едва сдерживался, чтобы не отправить мужика в нокаут. До службы он занимался боксом, в армии осваивал рукопашный бой – ротный у них был большим специалистом по этой части. Не щадил на своих занятиях капитан Запашный, и это не раз спасало Игорю жизнь. Два раза он сходил-ся с боевиками в рукопашной, одному вырывал, как учили, кадык, а другого зарубил саперной лопаткой. Не комнатный он боец, и дядя Сережа мог в этом сейчас убедиться.

Но мужик явно не в себе, а с пьяными и обдолбленными Дергун старался не связываться. К тому же Вероника Ивановна могла обидеться: вдруг этот дядя Сережа ей очень дорог. И еще этот дикобраз сам по себе крутая личность, если у него есть телохранитель. И проблемы из-за него могли начаться прямо сейчас. Громила в кожаной куртке мог оказаться непосильным противником. Да и сам дядя Сережа наверняка умел держать удар.

— А жаль... Дядя Сережа вернулся... Ну, до встречи, дочка! — Мужик приветливо подмигнул Юле и, ожесточенно глянув на Игоря, повернулся к ним спиной.

Он подошел к черной «Волге», которая стояла неподалеку, громила открыл ему дверь. В машину он садился как директор крупного предприятия, ничуть не сомневающийся в своем праве на персональный транспорт. Но ведь не директор он. На уголовника он больше похож. На какого-то мастиного, прожженного лагерной жизнью уголовника. Сейчас такие персонажи в почете...

— Ты его знаешь? — спросил Игорь, обняв Юлю за плечи.

— Впервые вижу... Почему он меня дочкой назвал? — в раздумье спросила она.

— Ну, выражение такое. А что?

— Да нет, ничего... Как хорошо, что ты вернулся!

Юля прижалась к парню, но спохватилась и отстранилась. Людей на улице много, все идут, смотрят, а она девушка застенчивая. Какой была, такой и осталась... Дергун вспомнил

про скамейку под яблоней и улыбнулся. Есть у них фирменное место, где они могли бы целоваться хоть до утра.

– Ты сейчас домой? – спросила Юля.

– Да надо бы. Но сначала провожу тебя. Мама твоя просила встретить и проводить. Волнуется она за тебя... И, кажется, не зря.

Неспроста Вероника Ивановна говорила о бандформированиях в городе. Видно, местная братва повылезала из нор, нормальных девчонок отлавливает. А может, именно этого дядю Сережу Вероника Ивановна и боялась.

* * *

Ханка, ширка, лярвы... Мирон и выпить любил, и морфием по вене ударить, и бабу накрутить. Но увлекаться этим нельзя. Тот же Говорец сначала берега под наркотой попутал, а затем от передоза склеился. Мирон говорил по душам с Фруктом, пацан уверял, что не трогала новая братва старого вора. А если все-таки помогли Говорцу скопытиться, так он сам в этом виноват. Дурь ему и нюх отбила, и чуйку, а без этого в мире животных долго не протянешь.

У Мирона оставалась склянка с морфием, и дел у него сегодня особых нет. Почему бы не раскумариться? Но все-таки он сдержал свои желания, отдал склянку Сазону, чтобы он отнес его Мурзе – пусть братва оттянется. А себе водочки налил, чисто аперитив перед обедом, сейчас это модно. И от

девочки бы он не отказался, от такой хорошенькой, например, как Юлия.

Он собирался спускаться в ресторан, когда в дверь номера постучали.

– Да!

Сазон дождался разрешения, зашел в номер и закрыл за собой дверь.

– Мирон, там к тебе твоя Вероника.

А Вероника разрешения дожидаться не стала. Дверь распахнулась, и она решительным шагом переступила порог. Роскошная баба, эффектная, но уже не молодая. И Мирон уже хотел ее далеко не так, как раньше. Хотя и не прочь был оторваться с ней.

– Что, по горячему соскучилась?

Он опустился в кресло, забросил ногу на ногу, достал из пачки сигарету, но Вероника вырвала ее.

– Не понял... – ошалело протянул Мирон.

– Все ты понял! Мы же с тобой договаривались! – чуть ли не заорала на него женщина.

– Ты меня со своим чушком мужем не попутала? – угрожающе нахмурился Мирон.

– Извини! – спохватилась Вероника.

– Вмажешь? – Он барским жестом показал на стол.

Бутылка «Пшеничной», отборное сало крупными ломтями, ядреные огурчики домашнего посола, хрустящая капуста. В холодной лагерной зоне такая поляна была редкостью,

а здесь это у него как разминка перед обедом. И всегда так будет, потому что он хозяин в этом городе. И заводские платят, и октябрьские, и всякая мелкая шушера вроде Бурмистра, который занимался автоугонами. Еще можно будет прижать цыган с их наркотой, но с этим спешить не стоит. Да и не хотелось никуда спешить. Если жизнь наладилась, чего суетиться? Сейчас водки для заводки, на обед можно винца для поднятия огольца, а потом в номера с Вероникой. А если она еще и дочурку свою приведет... Но ведь не приведет. И глядя на Веронику, Мирон очень хорошо это понимал.

– Ну, можно.

Она махнула водки, хрустнула огурчиком и, взяв со стола зажигалку, запалила ту самую сигарету, которую забрала у Мирона.

– Ты же не куришь, – ухмыльнулся он.

– С тобой не только закуришь!

– Ну, да, еще и ноги раздвинешь! – подхватил мужчина.

Вероника резко глянула на него, но сдержалась, хотя грубое словцо рвалось наружу.

– А что не так? – усмехнулся Мирон.

Недолго ломалась она. Сначала он опрокинул ее в ресторанном кабинете, а потом она сама пошла к нему в номер. Через недельку после первого раза пришла, по первому же звонку. Только он ей больше не звонил... Притупилась вдруг острота очарования.

– Сказала бы я тебе...

– Так скажи!

– К Юльке чего приставал?

– Я приставал?! Да я пальцем ее не тронул!

– А подходил зачем?

Юлю Мирон увидел случайно. Подъехал к ней, заговорил. И даже захотел ее. Очень захотел. И сейчас, на трезвую голову, хочет. А Вероника уже на втором плане. – Я должен у тебя спрашивать, к кому подходить, а к кому нет?

– Ну мы же договаривались! – с беспомощной злостью посмотрела на него женщина.

– О чем мы договаривались? Ты спишь со мной, а я не лезу к Юле? Ты так не спишь со мной.

– Ты мог бы позвонить, – обескураженно сказала женщина.

– А сама прийти не можешь?

– Ну, пришла.

– А я тебя хочу? – совершенно серьезно спросил он.

– Э-э... – замялась Вероника.

– Хочу, хочу, – небрежно пошевелил Мирон пальцами, вытатуированные перстни на которых закрывали золотые печати. – Вот видишь, как хорошо, подъехал к твоей девочке, и ты уже здесь. Сама приходить не будешь, буду подъезжать.

– Хорошо, сама буду приходить! – закивала Вероника.

– Я что-то не понял, ты что, в жертву себя приносишь?.. А зачем это мне? Ты меня любить должна. Больше, чем своего мужа, должна любить. Скажи, ты меня любишь?

– Ну, ты же знаешь, я скажу все, что ты хочешь, – сквозь зубы проговорила женщина.

– Я знаю, что у тебя хорошая девочка, – глумливо усмехнулся Мирон. – Она реально девочка?

– Мирон, будь человеком!

– Я задал вопрос... Что там за пацан у нее?

– Игорем его зовут, он из армии вчера вернулся.

– И дальше что?

– А что дальше? Ну, поженятся.

– А право первой брачной ночи за кем?

Мирон очень хотел получить это право. Но так просто никто с этим правом не расстанется, значит, его надо будет забрать. А почему бы и нет?

– Ну что ты за человек! – глянув на него с затаенной ненавистью, всплеснула руками Вероника.

– Я реальный человек, и не надо на меня так смотреть, – разозлился он.

– Ты вор! А Юлю хочешь взять по беспределу!

– Ты хорошо подумала, что сказала?

Вероника вздохнула и отвела взгляд. При всем своем желании она не могла противостоять бандиту.

– Ты меня любишь? – напористо спросил он.

– Да, – обреченно кивнула она.

– Громче.

– Да!

Приелась ему Вероника, но все-таки смачная она, только

вот в постели как бревно. Но если она сама возьмет синицу в руки да покажет журавля в небе, то, пожалуй, можно будет на время забыть Юлю. Так думал Мирон, поднимаясь со своего кресла.

– А как ты меня любить будешь? – спросил он, пристально и с похотливой усмешкой глядя на нее.

– Как скажешь...

– Да нет, я даю слово тебе. Прошу к микрофону.

Он опустил руки ей на плечи, приложил усилие. Вероника все поняла и опустилась на колени. И кто скажет, что это любовь по беспределу? Нет, все по взаимному согласию.

А Юля пусть отдыхает. Пока...

Глава 4

Быстрей, мощней, глубже. Два года без бабы – это слишком, жуть сколько энергии за это время накопилось, и наконец-то все это выплеснется в новую, свободную жизнь. Два года в армии, два года в зоне – четыре года, вычеркнутые из жизни. Но ничего, Сантос наверстает упущенное. И Каринка этого хочет, и он сам... Быстрей, быстрей. И вниз, на бреющем полете над землей, по мягкой пушистой траве прямо в мягкий стог сена. Это не жизнь, это Монтана!

– Уф!

Снаряды закончились, баки пустые, но уже снова хочется на взлет. Даже Вика такой подъемной силой не обладала, как Карина. Сантос потянулся к сигарете, закурил. Вика была его любимой девушкой. Из армии его дождалась, а из тюрьмы – нет. С Васей Фруктом она сейчас. Тварь!

Зато Карина не подвела. И на вокзале встретила, и домой к себе привезла. А ведь раньше Сантос даже не смотрел в ее сторону. Зато она влюблена, как кошка. И письма в зону писала. Только она одна его и встретила. Из корешей никто не пришел. Никому он здесь не нужен. А ведь за ним ходка в зону, братва должна его еще больше уважать. Может, и уважает, но и Васю никто злить не хочет. Фрукт сейчас центровой, заводская братва у него в кулаке.

– Сань, оставайся у меня. – Карина обняла Сантоса, уютно

уложив голову ему на грудь.

Квартира у нее своя – три комнаты, ремонт в современном стиле, обстановка на миллион. Она и раньше бизнесом занималась – за границу за шмотками моталась, на барахолке торговала. Но и о своей основной профессии не забывала. Парикмахером она была, а сейчас у нее свой салон красоты, как приложение к магазину модной одежды в центре города и несколькими павильонам на рынке. Если ей верить, то дела у нее идут лучше всех. Да и как не поверить, когда у нее квартира супер и пятая «бэха» имеется.

Сантос глубоко затынулся. В команде Свища он был с самого начала, в одной упряжке с Васей. Коммерсантов строили, с раkitинскими воевали, затем – с октябрьскими. Стрелки, разборки, кровь, смерть. Он убивал, сам на тот свет чуть не отправился. Потом сел на два года за незаконный ствол. И что? Фрукт сейчас центральной, с его Викой как сыр в масле катается, а у него ни кола ни двора.

Карине повезло куда больше. Она дружила с сестрой Свища, хорошо его знала, потому и налог на свои дела не платила. Пока на заводской барахолке работала, не платила. Сейчас у нее павильоны на центральном рынке, и магазин где-то там, поэтому она платит октябрьским, но вроде бы чисто символически. Поэтому и поднялась конкретно...

– Ну, если хочешь, – пожал плечами Сантос.

– Хочу?! Да я мечтаю! – страстно прошептала она. – Ты самый лучший!

Красотой она не блистала, но и страшенькой ее не назовешь. К тому же ухожена, одевается отлично. И, главное, никогда не предаст.

– Если только для тебя...

– Вика – полная дура. И она доказала, что не достойна тебя.

Любовь с Викой Сантос крутил еще со школы. Он гулял с ней, а Карина бегала за ним. И письма в армию писала. И на зону – тоже. Она же и сообщила, что Вика к Васе ушла...

– Много слов, – криво усмехнулся Сантос. – Сказала, что она дура, и хватит. Дура она и в Африке дура... Ну что еще?

Он переворачивал Карину на спину, когда в дверь постучали. Не позвонили, а именно постучали. Так в дом ломится только братва.

– Я же говорила, что они придут! – Карина вскочила с кровати, набрасывая халат.

И Сантос поднялся, оделся, вышел в гостиную.

Карина действительно говорила, что пацаны хотят увидеться с ним, но сам он в это не верил. Если бы хотели, на вокзал бы пришли. И это как минимум. А так могли на зону машину выслать, тут ведь недалеко, каких-то семьсот километров.

В комнату вкатился Телега. Фамилия у Юры Телегин, а сам он круглый, как колобок. Но не толстый, хотя весит будь здоров. Плечи у него широченные и покатые, бугристые трицепсы. Ноги короткие, колесом...

– Здорово, братуха!

Телега обнял Сантоса, и у него, как обычно в таких случаях, возникло ощущение, как будто он попал под колесо трактора.

– Сантос, твою за ногу!

И тут же на него наехал Эфиоп. Фамилия у Кольки русская – Марков. Да и лицо вроде бы славянское. И нос обычный, и губы тонкие, одним словом, ничего африканского. А кожа почему-то смуглая. И волосы черные, курчавые, жесткие и шапкой-одуванчиком, как у негра. С курчавостью он справился легко – сбрил волосы, и трава не расти. А смуглость его ничуть не парит. Тем более девчонкам нравится. Колька и раньше качался, как чокнутый, и сейчас, если судить по его плечам, он помешан на этом деле.

Эфиоп сдавил Сантоса так, что у него ребра затрещали. Но это своего рода ритуал. Сантос и сам не из слабых, и в зоне держал себя в форме. Выдержали его ребра. Теперь можно и ответ дать. Эфиоп готов был к этому и напряг мышцы пресса. Сантос ударил его в живот со всей силы, но пробить не смог. Хотя в глазах у Эфиопа и отразилась боль. Пресс у него мощный, но выброс ударной энергии проходил через эту мощь. А если бы Сантос ударил в «солнышко», вряд ли бы Эфиоп устоял на ногах.

Сантос задумался. Может, правда, в солнечное сплетение врубить? За то, что Эфиоп на вокзал не пришел?..

– Поляна у вас тут!.. – Эфиоп снял со стола бутылку «Хен-

несси», посмотрел ее на свет.

Цвет густой, темный, как у хорошо выдержанного коньяка. Двести долларов за бутылку, но Карине для любимого ничего не жалко. Да и братву она дрянью поить не может. И Телега, и Эфиоп для нее как родные... Более того, она с Телегой одной время даже гуляла. Как оказалось, для того, чтобы подразнить Сантоса. Только ему все равно было, с кем она крутит, поэтому роман этот продолжался недолго. А сейчас Сантосу не все равно, и он подозрительно глянул на Карину. Может, Телега сам здесь с ней колесом крутился, пока он срок мотал? Кто бы мог подумать, что его будет волновать этот вопрос.

– Чего смотришь? Наливай да пей!

Карина поставила на стол чистые бокалы и ушла на кухню. Закусочку освежить надо...

– Я смотрю, ты здесь не теряешься, – усмехнулся Телега.

– Мог бы и потеряться, – недовольно глянул на него Сантос. – Если бы не Кара. Нашла меня, к себе привела... На вокзале нашла.

В комнате повисла напряженная тишина. Все всё поняли. И Телега не дурак, и у Эфиопа в голове не одни только мыши.

– Да мы бы тебя встретили, – первым нарушил тишину Телега. – Но мы в Москве были, вчера ночью приехали...

Сантос махнул рукой. Дескать, не стоит оправдываться.

– Что за дела в Златоглавой? – спросил он.

– Казино у нас там.

– А почему там?

– Так в Москве все деньги крутятся. Там с казино за ночь столько взять можно, сколько здесь и за месяц не собираем. Но здесь все улажено, а в Москве бродят всякие...

– Например?

– Ну, чечены подъезжали, крышу свою предлагали. Мы выехали, решили вопрос... Лынь в больнице, гарантий никто не дает. Печень ему прострелили, как без печени жить?

– Чечены прострелили?

– А кто ж еще?.. Они сопли не развозят, сразу мочить. Но так и мы не пальцем деланные. У нас Лынь лег, а мы двоих подстрелили... С чеченами только так, по-другому они не понимают...

– Да слышал, – скривился Сантос.

– Хотя сейчас они уже не те, – сказал Эфиоп. – Война у них там, контора их конкретно давит, ну и братва московская отстреливает. Но все равно, с ними лучше не шутить.

– Значит, отбили кабак?

– Ну, так у нас бригада конкретная. Жаль, нас не было, когда Свища замочили.

– Слышал такое.

В комнату зашла Карина. Блюдо со свежей нарезкой поставила, вазочку с оливье.

– А чего не пьете?

– В натуре! – вскинулся Эфиоп. – За встречу давай!

– Нет, – покачал головой Сантос. – За Свища давай! Светлая ему память!

Он выпил, не чокаясь. Из уважения к Свищу даже не стал закусывать.

– Да, нехорошо получилось, – поставив на стол пустой бокал, покачал головой Телега.

– Что нехорошо? – хмуро глянул на него Сантос.

– Со Свищем нехорошо вышло.

– И все? Нехорошо? Да это беспредел!.. Кто он такой, этот Мирон?

– В законе он, – пожал плечами Эфиоп.

– Да нет, не в законе... – мотнул головой Телега. – Груздь пробивал, ничего он не в законе.

Сантос знал, как в команде сменилась власть. И кто такой Груздь, знал. Этот пацан вошел в дело незадолго до того, как его повязали менты. Вошел в дело новичком, а сейчас под ним самая боевая бригада. Телега, Эфиоп, Денатурат, Валидол... Лыня вот на днях подстрелили... Когда-то Сантос и сам был в такой же бригаде, Свищ бросал их на самые опасные дела. Сейчас такими делами занимается Груздь со своими бойцами. И Сантос, в принципе, мог подключиться. Если позовут. Если ему самому это нужно.

– Что-то я не понял, он не в законе, а объявился законным вором? – возмущенно спросил он.

– Говорят, спросил у Свища, кто, типа, ему сказал, что он не в законе. Туману нагнал. Свищ потерялся, Мирон его и

завалил.

– А Фрукт?

– Фрукт стоял, как в штаны навалил... – ухмыльнулся Эфиоп. – А чего ему? Мирон его сразу на центр поставил. Теперь он у нас центральной...

– И как?

– Да как... Вылизывает у Мирона, – пренебрежительно усмехнулся Телега. – И бабло из общака отстегивает... Ну, это дело нужное.

– Нужное? – резко спросил Сантос.

– Это же на воровской общак.

– С воровского общака зоны греют.

– Ну да.

– А меня кто грел?

– Мы же тебе дачки слали, – задумался Эфиоп.

Казалось, он не мог вспомнить, часто высылал посылки своему другу или нет.

– Как вы их слали? У нас там два раза в год положено, – криво усмехнулся Сантос.

Посылки в зону можно было засылать и чаще, но это нужно подъезжать к начальству, продавливать движение. А не было ничего такого.

– Ну, не знаю... – пожал плечами Телега. – Предкам твоим с общака отстегивали.

Сантос махнул рукой. Дескать, не надо заморачиваться на эту тему. Его родители действительно получили от братвы

неплохую сумму, но на этом все и закончилось. Не то чтобы отряд не заметил потери бойца, но забыл про него точно. Обидно. Но на обиженных воду возят.

– Дело не во мне. Дело в том, что Фрукт ворам на общак отстегивает, а на меня забил, – сказал он.

– Так это, с тобой, Сантос, особый случай, – озадаченно глянув на Эфиопа, сказал Телега. – Там из-за Вики рамсы.

– И как мне теперь быть?

– Ну-у...

– В бригаду меня не зовут?

– Почему не зовут?.. – растерянно пожал плечами Эфиоп. – Груздь хочет, чтобы ты с нами был. Ты пацан проверенный, а тут еще Лынь в минусе.

– А Фрукт хочет?

– Ну, Груздь с ним поговорит...

– Писец! – сквозь зубы процедил Сантос.

Обида и так держала его за горло, а сейчас еще и душить начала.

– Не, серьезно... – сказал Эфиоп.

Но Сантос резко махнул на него рукой. Пусть лоха ищет, чтобы ему фуфло прогонять.

Он предложил выпить за встречу, затем еще. «Хеннеси» закончился, и на столе появилась бутылка коньяка попроще. И ее почти уговорили, когда в гости нагрянули Груздь с Валидолом.

Валю Шестакова Сантос знал очень хорошо, с ним он об-

нялся крепко и эмоционально поздоровался, а Груздю лишь пожал руку. С Валидолом у него большое прошлое, а с этим он даже не знал. И еще его брала обида: пока он срок мотал, какой-то салага из грязи выбился в князи.

– Бухаете? – глубоким грудным голосом зычно спросил Груздь.

Мощные надбровья у него высоко вскинуты, под ними могли разместиться большие глаза, но там лишь узкие короткие щелочки. Маленькие у него глаза, а нос крупный, широкий, на его фоне пухлая верхняя губа не казалась большой. Квадратные скулы, чугунный подбородок, дикая мощь в движениях.

– Как видишь. – Сантос плеснул ему коньяку.

Груздь кивнул, сел за стол, выпил вместе со всеми. Карина поставила перед ним тарелку с жареной свининой. И Валидола не обошла вниманием.

– Ну, за встречу! – Груздь поднял бокал на правах начальника.

Сантосу это не очень понравилось, но возникать он не стал. Как ни крути, а Груздь – старший боевой бригады, в которой собраны самые крутые бойцы.

– Как насчет Сантоса? Ты с Фруктом говорил? – втягивая в себя коньяк, спросил Эфиоп.

– Говорил... Не нужен ему Сантос, – спокойно сказал Груздь.

– Да? – нахмурился Эфиоп.

– А тебя это удивляет? – скривил губы Сантос. – Меня – нет. Я жизнью за братву рисковал, срок мотал, но все это ерунда, понял? Вика со мной была, поэтому я кругом виноват. Эта сука теперь с Фруктом, а я на фиг не нужен. Фрукт меня за бабу продал! Сегодня он с моей бабой спит, а завтра с твоей, Эфиоп, бабой спать захочет! Ты ему отдашь свою бабу, Колян?

– Так нет у меня бабы, – мотнул головой Эфиоп.

– У меня есть, – спокойно сказал Груздь. – Катя ее зовут.

– Ну, Катя у тебя супер! – восторженно протянул Валидол.

Не самой он мощной комплекции, но выглядел внушительно. Жесткие и резкие черты лица, крепкий противоударный нос, вросшая в покатые плечи голова, руки длинные, сильные. Он и в рукопашном бою хорош, и стреляет лучше всех. И, главное, убивать не боится.

– А если Фрукт на нее глаз положит? – спросил Сантос.

Груздь выразительно глянул на него. Он ведь потому и завел разговор про свою Катю, что его самого волновал этот вопрос.

– И, вообще, кто такой он, этот Фрукт? – взбодренный поддержкой бригадира, распалился Сантос. – Косяк за ним! Пока я срок мотал, он у меня увел бабу! Как это называется? А так и называется, что Фрукт – крыса! За такие дела в приличном обществе опускают, а его подняли!.. Кто он такой, этот Мирон?

– Воровской положенец, – внешне спокойно отреагировал

на возмущение приятеля Груздь. – Смотрящий по городу.

– И много мне грева на зону пришло? А шиш с маслом! – вскипел Сантос. – И на фига мне такой смотрящий?

– Ну, тебя не спрашивали, когда его ставили...

– Не спрашивали?! Ну да, не мое это дело, чтобы меня спрашивать. А когда этот Мирон Фрукта на место Свища ставил, меня надо было спросить. И меня, и тебя, и всех! А спросили? Нет!.. Конечно, ведь мы же быдло, нас можно растереть, как плевков. Фрукт мою бабу скрысятничал, и что? А ничего! Не нужен ему больше Сантос, выплюнуть и забыть! А кто Фрукта на место Свища ставил, а? Мирон? А ничего, что этот козел Свища завалил?

Плевать Сантос хотел на Свища, который благополучно забыл о нем. Но Свищ должен был стать знаменем его борьбы за место под солнцем. Знаменем, с изображением Веселого Роджера на нем. Не хотел он сидеть под юбкой у Карины, ему нужен был корабль, следующий пиратским курсом. И штормовая стихия ничуть его не пугала, напротив, он стремился к ней. Кто не рискует, тот не сумеет набить сундуки пиратским золотом.

– Свища завалил... – эхом отозвался Груздь. И тут же четко выразил свою крамольную мысль: – Это беспредел!

– Не было нас там... – подхватил Эфиоп.

– Валить надо было Мирона! – кивнул Телега.

– Сразу надо было валить, – сказал Груздь. – После драки кулаками не машут.

– Так вас в той драке не было, – внимательно глядя на него, покачал головой Сантос.

Он уже понял, что Груздь ведет свою игру. Этот пацан и сам не прочь поднять братву против Фрукта, но ему не хватало решимости. Поэтому и нужен был ему Сантос с его обидами на Фрукта. Кто-то должен был поднять волну, на гребне которой Груздь мог въехать в рай.

– Не было.

– Поэтому вы сейчас можете с Мирона за Свища спросить.

– За Мирonom – воры, – покачал головой Груздь. – Его так просто не сдвинешь...

– А зачем его трогать? – Сантос в раздумье пожал плечами. – Пусть себе живет. А с Фрукта спросим!..

– И что ты ему предъявишь?

– А кто его на место Свища поставил? Мирон?! А кто такой Мирон?! Фрукт должен был сход собрать, у братвы спросить, кого на место Свища ставить. Был сход?

– Не было схода.

– Так давай соберем! Давай у братвы спросим, хотят они Фрукта или нет? Давай у братвы спросим, хотят они меня в команду или нет? Я два года за наше дело срок мотал, и меня за борт? И кто так решил? Какая-то крыса?!

– Да нет, не какая-то крыса, – в раздумье покачал головой Груздь. – Это конкретная крыса. А сход собрать надо. Телега, что скажешь?

– Сход нужен.

И Эфиоп сказал то же самое, и Валидол.

– Будем поднимать вопрос, – решил Груздь. Какое-то время он напряженно думал, затем, глянув на Сантоса, сказал: – Фрукт не хочет, чтобы я брал тебя в бригаду. А я возьму. Он мне за это предъявит, а я предъявлю ему. И сход запрошу. Но будет сход или нет, я не знаю. Разбор может случиться еще до того. Или Фрукт разберет нас, или мы его, тут одно из двух.

– Наша возьмет, без вариантов! – Сантос очень хотел верить в такой исход дела.

А если не верить, то зачем ввязываться?

– Так и будет, – кивнул Груздь.

Похоже, он думал примерно так же.

– Ну, за удачу! – Взбодренный Сантос потянулся к бутылке.

Но Груздь осадил его.

– Все, больше не пьем, – сказал он.

– Это еще почему? – возмутился Сантос.

Груздь ответил ему взглядом. Он смотрел на него с такой силой, что все вопросы отпали сами по себе. Раз уж они ввязались в столь серьезное и опасное дело, то пьяную лавочку надо закрывать. Это раз. А во-вторых, если бригадир сказал «нет», то не должно быть никаких «почему».

Может, когда-то Груздь и был салагой, но сейчас он реально в авторитете, и Сантос прочувствовал это через его взгляд. Прочувствовал и поставил бутылку на место.

– Сегодня отдыхай, – удовлетворенно кивнув, сказал Груздь. И глянул на Валидола. – А завтра за тобой заедет Валек... А может, уже и сегодня. Будешь вдатый, накажу!

Он поднялся, поблагодарил хозяйку за обед и, увлекая за собой пацанов, ушел. А когда за ними закрылась дверь, Сантос потянулся к бутылке. Он все еще находился под впечатлением от выговора, но душа просила выпить.

– Тебе же сказали, не надо, – глядя на него, покачала головой Карина.

И все-таки он наполнил бокал.

– А ты что скажешь?

– Ты сам завязался на это дело. Я не хочу, чтобы Груздь тебя наказал...

– А он может?

– Он все может, – ничуть в том не сомневаясь, сказала Карина.

– Он что, круче меня? – с обидой спросил он.

– Нет, но он старший.

– Я буду старшим. – Сантос осушил бокал, закурил. – Свалим Фрукта, и я стану центровым. А что, за мной зона! И братва за мной тянется.

– И крутой ты, и зона за тобой, – кивнула хозяйка дома. – Но ты не торопись. Груздь на это место метит, пусть он его и займет. А ты его бригаду под себя возьмешь. А там с Груздем что-нибудь случится...

– Или со мной, – нахмурился Сантос.

Возможно, Груздь устроил ему проверку на вшивость, и сейчас он едет к Фрукту, чтобы решить с ним вопрос. А сегодня ночью к нему заявятся «торпеды», и приговор будет приведен в исполнение. А может, Груздь просто не сможет перебодать Фрукта, и тогда костыми ляжет вся его бригада, и Сантос в том числе.

– Ничего с тобой не случится, – покачала головой Карина. – Пока я с тобой, тебе ничего не грозит.

Она села к нему на колени, охватила руками голову, грудью прижавшись к его виску.

– А если вернешься к своей Вике, тебе не жить. Я прокляну тебя!..

Сантос взорвался от возмущения, оттолкнул от себя Карину:

– Ты что несешь, дура?

– Ты мой, и я тебя никому не отдам, – ничуть в том не сомневаясь, усмехнулась она и, гордо расправив плечи, вышла из комнаты.

Сантос почесал затылок, глядя ей вслед. Хорошо ему с Кариной, но в долгосрочных планах ее нет. Однако если союз с ней действительно обернется для него удачей, то почему бы не продлить эти планы? Тем более к Вике он точно не вернется. А Карина девчонка правильная, к тому же она в доску своя. С ней будет легко и просто.

Глава 5

Есть закон перехода количества в качество, есть – сохранения энергии. Но про закон перехода платонической любви в стадию телесного влечения в школьных учебниках ничего не сказано. А в жизни все именно так и происходит. Сначала нежные слова и поцелуи, а потом от возбуждения срывает крышу. И Юля уже не пытается ставить барьеры. Она уже закрыла глаза, откинув голову назад. Рот приоткрыт, дыхание пока еще тихое, но уже частое. А тело у нее такое волнуемое, и сил нет, как хочется познать его глубины.

Но в дверь вдруг постучали. Игорь отстранился от Юли, и она пугливо сместилась от него в изголовье кровати. Чутье у Вероники Ивановны потрясающее. Не подглядывает она за ними, однако точно знает, когда пора дать знак. Но в комнату она не зайдет, поэтому можно расслабиться. Игорь весело посмотрел на Юлю, и она прыснула в кулачок.

А в дверь снова постучали.

– Ну, все, я пошел!

Игорь поднялся, и Юля тут же повисла у него на шее. Обняла его, нежно поцеловала в губы, и снова он прочувствовал закон отрицания платонической любви. Только на этот раз они остановились сами.

Вероника Ивановна и ее муж смотрели телевизор в зале, провожать Игоря они не выходили. Деликатничают, не хотят

его смущать. До двери его проводила Юля, снова поцеловала в губы его и тут же отстранилась.

– До завтра!

А завтра утром Игорь снова будет здесь, он проводит Юлю в институт. Дядя Сережа больше не давал о себе знать, но в данном случае лучше перебдеть.

Игорь хорошо помнил, в какой ужас пришла Вероника Ивановна, когда узнала, кто подходил к Юле на улице. Как будто сам дьявол навестил ее из ада.

Вероника Ивановна не просила Игоря сопровождать Юлю в институт и обратно, он вызвался сам, и она этому лишь обрадовалась. И обрадовалась, разрешила им с Юлей находиться по вечерам в ее комнате. На улице опасно, считала она, но Игорь только первое время разделял ее тревоги. Почти две недели прошло с тех пор, как он вернулся из армии, и о дяде Сереже ни слуху ни духу. И дальше так будет. Но все равно, каждый день утром он у Юли как штык. Все равно ведь заняться нечем... Пока нечем. А там на работу придется устраиваться.

Дергун уже подходил к дому, когда его вдруг окликнули из темноты.

– Слышь, закурить дай! – потребовал чей-то грубый голос.

От дерева, которое росло у дороги, отделился чей-то силуэт. Но и это было еще не все. Спереди по тротуару к нему кто-то шел, а сзади – подкрадывался. А место темное и безлюдное – идеальное для засады. Грабители его подкараули-

ли, сейчас начнется.

Не дожидаясь, когда атакуют с фланга и тыла, Игорь рванул вперед. Он видел, как шедший навстречу человек вскинул руку, в которой сжимал что-то длинное – или дрын, или металлический прут. А сзади ускорились шаги, и фигура с фланга со всех ног рванула на Игоря. Клещи стремительно сжимались.

Игорь дождался, когда противник спереди размахнется для удара. И как только это произошло, он резко рванул вперед, сблизился с ним, предплечьем блокируя ударную руку. Большими пальцами обеих рук он нащупал глаза противника и со всей силы вдавил их, продолжая движение вперед.

Грабитель мог упереться, но дикая боль не позволила ему остаться на ногах. Практически не останавливаясь, Игорь уложил его на спину, затылком шарахнув об асфальт. А теперь вперед, и к дому! И плевать, что это отступление похоже на позорное бегство. В конце концов, он не милиционер и даже не народный дружинник, чтобы задерживать преступников.

Но грабитель не позволил ему уйти. Несмотря на боль, он вдруг схватил его за штанину. Игорь ударил его ногой в голову, и руки разжались, но на этом он потерял время, а преследователи уже совсем близко.

Одному он врезал ногой в живот, а другой перетянул его железным прутком по голове. Перед глазами все поплыло, ноги подкосились, но все-таки он смог вырвать прут из рук про-

тивника. И тут же ударил в ответ...

* * *

Глаза наливаются кровью от бешенства, а еще они могут покраснеть от сильного удара. С Мурзой случилось и то, и другое. Сначала его жабыи глаза были вдавлены в глубь черепной коробки, а потом у него будто задымилась от дикой злобы голова. Глаза уже встали на место, но Мурза почти ничего не видел. Красные у него глаза, вокруг все распухло, и еще ухо в кровь стерто. Но ему еще повезло. У Сурка глаз от сильного удара вытек. А у Хныря во рту кровавое крошево и голова сильно разбита...

– Я урою эту падлу! – взвыл в бешенстве Мурза.

– А почему не урыл? – зло спросил Мирон.

Кто бы мог подумать, что какой-то солдатик мог порвать лучших его бойцов? Как тузик грелку порвал.

– Так сдернул он, как фуфло голимое! – простонал Сурок.

Отвал качал головой, прикладывая к его глазу ватно-марлевый тампон. В больницу Сурка надо везти, но Мирон не разрешает. Сейчас врача привезут, пусть он на месте все решает. Да и не заслужил Сурок больницы.

– Ну да, вас уложил и сдернул! – презрительно ухмыльнулся Мирон.

– Я эту гниду на перо взял! – как-то не очень весело похвастался Хнырь.

– И где эта гнида?

– Да склеится где-нибудь...

– А я говорил его мочить? – жестко спросил Мирон.

Как-то слишком все хорошо у него складывалось. Все платят без проблем, и рамсов нет, которые надо было бы разруливать. Его бойцы без дела, считай, сидят, как шарниры без смазки, а так нельзя, заржаветь можно. Поэтому и натравил Мирон их на пацана, который с Юлей ходил.

Вероника понимала все правильно, но Мирона уже достала ее любовь. Хотелось чего-нибудь поострей, поэтому он все-таки переключился на ее дочь. Но Юлю сопровождал ее парень, и Мирону это совсем не нравилось. Он дал отмашку Мурзе; тот должен был отправить Игорька на больничную койку, но сам попал под раздачу.

– Ну, как вышло... – ухмыльнулся Хнырь.

– Что вышло? Ничего у вас не вышло...

– Да пацан крутой, я же говорил, – вмешался в разговор Сазон. – В десантуре он служил, медали у него боевые. По ходу, в Чечне воевал. Надо было мне идти.

Мирон достал сигарету, закурил.

А ведь говорила ему Вероника, что Игорь Дергун в Чечне был. И медали у него боевые. Может, он в Чечне там глотки «духам» рвал за здорово живешь, а он фуфлowego Мурзу с пацанами к нему подослал. Выходит, накосячил он.

– Сам и пойдешь, – выдержав паузу, сказал он. – Выдру возьмешь и Симона. Дергун за пацанов ответить должен.

– Так его еще найти надо.

– Завтра утром он придет за Юлей. Там его и замочите...

– А если не придет?

– Тогда ее...

– Замочить?

– Ну, ты в натуре... В охапку ее и ко мне. А я с ней поговорю...

– А мы? – осклабился Хнырь.

– Может, и вам достанется, – криво усмехнулся Мирон.

Он понимал, что Юля когда-нибудь ему надоест. К тому же она не должна уйти от него живой. Он ведь возьмет ее по беспределу, а раз так, то никто не должен узнать об этом, кроме своих. А чтобы пацаны не возникали, их также надо замазать кровью этой невинной овечки...

– Блин, больно-то как, – простонал Сурок.

– Анестезия нужна, – сказал Мирон, доставая из кармана склянку с морфием.

Какая-то невеселая жизнь у него пошла, никаких проблем, и Вероника не приносит остроты ощущений, поэтому и тянет его на ширку. И не всегда получается отказаться. Ничего, скоро у него в руках будет Юля, и он переключится на этот наркотик, с него и будет торчать. А пока он ударит по вене чем-нибудь попроще.

На гражданке каски не предусмотрены, а жаль. И бронежилет носить не заставляют, а зря. Будь на Игоре каска, он бы не попал в больницу с черепно-мозговой травмой. И ножом бы его не пырнули, будь на нем бронежилет. Черепную коробку ему не проломили, но сотрясение серьезное. И еще ему ножом вспороли бок. Жизненно важных органов не задела, однако крови он потерял много. Хорошо, родители вызвали «Скорую», не дали умереть.

Вчера он чувствовал себя ужасно, а сегодня ничего, жить можно. И голова почти не кружится, даже тошнота прошла. Зато следователь появился. Кто, что, когда?.. Но Игорь и не знал ответы на эти вопросы. Он даже не помнил, чем закончилась драка. Помнил, что вырвал стальной прут, помнил, как отбивался от грабителей, а потом как отрезало. Помнил только, как заходил в подъезд своего дома, как сестра открыла дверь.

Только ушел следователь, как появилась Вероника Ивановна. Вслед за ней в палату должна была зайти Юлия, но ее не было.

– Я была у твоих родителей, они сказали, что ты в больнице, – с жалостью глядя на парня, взбудораженно проговорила она.

– А Юлия где, в институте? – спросил он.

В ответ женщина всхлипнула и ладонями закрыла лицо.

– Что случилось? – От волнения у Игоря разболелась голова.

– Нет Юли нигде! Пропала она! – опустив руки, со слезами на глазах и с жалобными нотками в голосе сказала она. – Как ушла вчера утром, так и нет до сих пор...

Вероника Ивановна обессиленно опустила на стул.

– Может, у подруги заночевала? – осозная абсурдность своего предположения, спросил Игорь.

– У какой подруги?! Это Мирон все!

– Какой Мирон?

– Он же дядя Сережа, будь он проклят. Я была у него, нет его в гостинице. Переехал он куда-то.

– Вы в гостинице у него были?

– Да какая разница, где я была и что делала! – чуть не плача, протянула женщина. – Юля пропала! Сначала избил тебя, а потом пропала она. Ты знаешь, кто тебя избил?

– Да нет, меня не избивали, – покачал головой Дергун. – Меня убивали... Я отбился. А если бы не отбился, то все... Кто такой этот Мирон?

– Он страшный человек. Очень страшный человек.

– И вы думаете, Юля у него?

– Думаю... Не хочу думать, но думаю! – срывающимся на стон голосом сказала Вероника Ивановна. – Он мог ее похитить. Если он ее похитил, то никакая милиция не поможет. Он вор, у него большая власть. Я же просила! Я умоляла!

Женщина всхлипнула, поднимаясь со своего места.

– Пойду, может, смогу его найти, – сказала она, размазывая по глазам тушь, потекшую от слез.

– Как его найти? – Игорь тоже поднялся.

Голова сильно закружилась, его повело в сторону, но обратно в постель он возвращаться не стал. Нельзя ему оставаться здесь, пока Юля в беде. Он должен ее найти и вернуть матери. Но прежде всего он вернет ее себе.

* * *

Черная икра на столе, осетрина, клубника, французское шампанское, но Юлю этим не удивить.

– Я хочу к маме, – сказала она, с затаенным ужасом глядя на Мирона.

– Я уже позвонил твоей маме, сказал, что ты у меня. Она скоро приедет. Садись, посидим.

Юлю похитили еще вчера, а сегодня Мирон «спас» ее. Смоль и Трефан наехали на квартиру, где Выдра и Симон ее держали, «наказали» похитителей и привезли Юлю к нему домой. Она все еще думает, что Выдру и Симона реально пристрелили.

– Спасибо. – Юля присела на край дивана.

Мирон открыл шампанское, наполнил бокалы.

– Ну, за твое спасение!

Но Юля даже не глянула на свой бокал.

– Да расслабься ты, все страшное уже позади. Козлов, которые похитили тебя, наказали, и твоего Игорька накажем.

– За что?

– Как за что? – удивился Мирон.

Выдра и Симон должны были «засветить» Игоря. С их слов Юля должна была понять, что именно Дергун заказал ее похищение. И «звонили» они ему, чтобы Юля услышала его имя.

– Он же дружков своих нанял, чтобы тебя выкрасть.

– Не было у него таких дружков.

– Это из Чечни дружки...

– Вы откуда знаете?

– Знаю. Я все знаю. Если бы не узнал, уехала бы ты в Чечню...

– В Чечню?

Выдра и Симон должны были сделать все, чтобы объяснить Юле ситуацию. Дескать, Дергун и его дружки сели на торговлю живым товаром и она должна была стать первой ласточкой. Неужели она ничего не поняла? Или Выдра затупил, или она такая недалекая.

– Мафия у них, понимаешь? Твой Дергун в Чечне был, там он узнал, какие деньги на девочках можно делать. Чеченцы русских девочек любят, хорошие деньги за них платят, вот Игорек твой на этом и решил сыграть. Начал с тебя...

– Зачем ему это нужно? – мотнула головой Юля.

Она не могла поверить в то, что Дергун мог ее предать.

– Деньги ему нужны.

– А почему я?

– Потому что ты самая красивая девчонка в городе...

– Я – его девчонка! Он не мог так со мной!

– Надоела ты ему, он себе новую нашел.

– Не могла я ему надоесть! У нас ничего не было!

– Чего не было?

– Ничего!..

– Хочешь сказать, что он оставил тебя девочкой? – спросил МIRON.

– Я не хочу этого говорить, – в замешательстве посмотрела на бандита Юля.

– Но это так? Или ты не девочка?

– Девочка. Но я не хочу об этом говорить!

– А я хочу, потому что на девочек в Чечне особый спрос.

– Я вам не верю! Игорь не мог меня продать в Чечню! Он не такой!

– К сожалению, в жизни так часто бывает. Смотришь, вроде бы друг, а он оказывается врагом. Ты вот смотришь на меня как на врага, а я оказался тебе другом. Настоящим другом.

– Тогда отвезите меня к маме! Почему вы не отвезете меня к маме?

– Я еще не выяснил, какую роль в этом деле играют твоя мать и твой отчим, – покачал головой МIRON. – Может, они попросили Дергуна, чтобы он увез тебя в Чечню.

– Что вы такое говорите?

– Твой отчим тебя терпеть не может. Он давно уже хочет избавиться от тебя.

– Что за чушь?

– Мише только твоя мама нужна, а не ты...

– Неправда! Все вы врете!..

– Ну, может, я в чем-то ошибаюсь. Но поверь, я хочу тебе только добра. Твоя мама сама сейчас за тобой приедет. Я очень на это надеюсь.

– А отвезти к ней вы меня можете?

– Сейчас подождем немного и поедем. Тебе успокоиться надо, на, выпей!

Мирон подал Юле бокал с шампанским, но она покачала головой.

– Ну, не хочешь не надо...

– Я хочу к маме! – уронив голову на грудь, хныкающим голосом сказала девушка.

– Будет тебе мама. И дядя Сережа будет, и мама.

Мирон подсел к ней, обнял за плечи. Девушка дернулась, отодвинулась, насколько это было возможно.

– Успокойся. Тебе нужно успокоиться, – убрав руку, сказал он.

Он осушил бокал с шампанским, но этого показалось ему мало. Какой прок от этой газировки, когда душа просит морфия? Или хотя бы ханки. Мирон вышел из комнаты, на кухне налил себе полный стакан водки, залпом выпил, перекурил

и вернулся. Юля сидела на прежнем месте, опустив голову. По ее щекам текли слезы.

– Я маме твоей позвонил, она уже выезжает, – сказал он. – Не переживай, все будет путем.

Мирон сел рядом с ней, снова обнял за плечи. На этот раз она отстраняться не стала, хотя и напряглась.

– Я же тебе не чужой. Вон, тебя пацан твой предал, а я ничего, все свои связи подключил, нашел тебя.

– Игорь меня не предавал! – Юля мотнула головой, и ее волосы приятной волной прошлись по его лицу.

Впрочем, он и без того уже был возбужден теплом и запахом юного и незащищенного тела.

– Ну, не предавал так не предавал. Я-то знаю, что предавал, но если не веришь... Хочешь, я скажу, чтобы его не убивали?

– Не убивали?! – содрогнулась Юля.

Она попыталась подняться с дивана, но Мирон удержал ее, еще сильнее прижав к себе.

– А как, по-твоему, наказывают предателей?

– Игорь не предатель!

– Да, но его могут убить...

– Я не хочу, чтобы его убили!

– Хорошо, я дам команду, чтобы его не трогали. Пусть живет, если ты этого хочешь.

– Хочу!

– Я дам команду... Если ты будешь умницей. Ты же долж-

на понимать, что дядя Сережа очень тебя любит и хочет заботиться о тебе.

Он пальцами провел вдоль «молнии» на ее платье. Хотелось раздеть Юлю так, чтобы она не сопротивлялась.

– Я хочу домой!

– А как же дядя Сережа? Как он будет заботиться о тебе, если ты уедешь домой?

– Не надо заботиться.

– Как же так? Дядя Сережа тебя спас, а ты даже отблагодарить его не хочешь.

Он ловко расстегнул «молнию» у нее на спине. Юля дернулась, но он крепко взял ее за плечи.

– Ты хочешь к своему Игорьку? – спросил он.

– Хочу! – пытаюсь вырваться, крикнула девушка.

– Он же предатель!

Мирон расстегнул на ней бюстгальтер и стащил вниз верх платья, застав Юлю закрывать руками обнажившуюся грудь.

– Это неправда!

– Это правда. И его убьют. Если ты не будешь умницей... Ты будешь умницей?

– Не надо!

– Не будешь умницей? – Он жадно гладил рукой ее обнаженную спину.

– Не надо Игоря убивать!

– А ты будешь умницей?

– Буду.

В подтверждение своих слов Юля вдруг перестала сопротивляться, хотя и продолжала закрывать грудь руками.

– Давай договоримся: ты будешь умницей, а я не трону твоего Игоря, – сказал Мирон, радуясь своей победе.

– Зачем вы это делаете? – спросила девушка и разрыдалась.

– Я это делаю ради тебя. Если я возьму тебя силой, то мне потом придется тебя убить. А если ты ляжешь сама, то будешь жить.

Не хотел он с Юлей по беспределу, потому и придумал этот цирк со «спасением». Но девчонка только с виду казалась глупой. Не удалось ему обхитрить Юлю, остался шантаж. Но ему, в принципе, все равно, на чем въезжать в рай.

– Ты меня понимаешь?

– Нет! – мотнула он головой, ударив его при этом по носу.

Удар был случайным и слабым, но Мирон все-таки схватил ее пятерней за шею.

– А жить хочешь?

– Да!

– С Игорем?

– Да!

– Хорошо. И ты будешь жить. И он. И свадьба у вас будет. Но право первой ночи за мной, договорились?

Юля промолчала, и Мирон с силой потряхнул ее:

– Я спрашиваю, договорились?

– Договорились, – эхом отозвалась девушка.

– Смотри, будешь дергаться, живой отсюда не уйдешь...

Он уложил Юлю на спину, сорвал с нее платье, колготки, но раздвинуть ноги не смог – с такой силой она их сжимала.

– Жить хочешь? – спросил он.

Юля кивнула, большими глазами глядя на него. Страдание у нее во взгляде, но и прозрение. Девочка наконец-то поняла, какой жесткий мир вокруг нее.

Мирон снова попробовал раздвинуть ноги, но ему не хватило для этого силы.

– Что ж, сама напросилась! – взвыл он от возмущения.

И ударил Юлю кулаком в живот. От дикой боли она расслабила мышцы ног, и он смог войти в нее.

Глава 6

Белая «девятка» плавно катилась по улице, прижимаясь к обочине. Игорь сменил направление, и машина неторопливо свернула в ту же сторону. Он шел пешком, а она катилась следом, и это не случайность. Выслеживали его, но кто, с какой целью?

Игоря повело в сторону, и он оперся рукой о дерево. Постоял немного с опущенной головой, пошел дальше. И снова его качнуло. Из больницы он хотел выписаться еще вчера, но врачи чуть ли не силой заставили его остаться. А сегодня он смог сбежать. Выкрал одежду и сделал ноги. Но рапы остались, и ему действительно сейчас очень плохо. Но из стороны в сторону его швыряла не столько слабость, сколько хитрость. Преследователи должны поверить, что ему худо. Игорь сделал шаг вперед, остановился и согнулся в поясе. Он стоял спиной к белой «девятке», которая также остановилась. Дергун сделал вид, будто его рвет. Не разгибаясь, он шагнул к сиреневым кустам и скрылся за ними. Оттуда он и увидел, как из «девятки» вышли двое. Один рослый, другой низкий, но и тот крепкий на вид, и другой. Резкие, быстрые, хищные. И приближались они к Игорю, как шакалы, — озирались по сторонам, как будто опасались более сильного хищника. И рожи у них уголовные, а на пальцах у одного четко просматривались татуированные перстни.

Игорь удачно выбрал место для выяснения отношений. С одной стороны – ряды кустов сирени, с другой – глухая стена какого-то склада. Только не станет ли это место ловушкой для него самого? Вдруг противник окажется не по зубам? Травма головы у него реальная, и ножевое ранение дает о себе знать. Не в том он состоянии, чтобы биться в полную силу. Он заметил в траве крупный булыжник, и сомнения отпали. Это, конечно, не саперная лопатка, но в умелых руках и оружие пролетариата сгодится.

Он стоял на коленях, склонив к земле голову, когда к нему вышел высокий.

– Эй, пацан, что с тобой? – заговорил он, стремительно приближаясь.

Краем глаза Игорь заметил, как он вытаскивает из-под куртки пистолет. И не простой это ствол, а с глушителем. Видно, крепко взялась за него воровская масть. Резко распрямляясь, он развернулся лицом к противнику и бросил в него булыжник. Он мог и промазать, но удача оказалась на его стороне. Камень угодил уголовнику точно в лоб, и тот как подкошенный упал на спину. Руки в стороны, ноги вверх, и голова мотнулась, как будто сорвалась с позвонковых креплений. Пистолет полетел куда-то в сторону, на него и среагировал второй уголовник. Он поймал его почти на лету, у самой земли, но упустил при этом Игоря, который обрушил ему на шею сомкнутые в замок руки. Как будто колуном его срубил.

Высокий лежал в траве без признаков жизни. Лобная кость вроде бы не продавлена, и пролома, похоже, нет, но кожа лопнула, крови много... Игорь хотел нащупать пульс, но в себя пришел низкорослый, и парень приставил к его голове «ТТ» с глушителем.

– Как зовут? – с хладнокровным спокойствием спросил он.

– Зачем? – скривился уголовник.

– Кому свечку за упокой ставить?

– Какую свечку?

– Я же говорю, за упокой. Я всем, кого убиваю, свечку ставлю... Крещеный?

– Кто? Я? – задергался мужик.

Немолодой он уже, отталкивающей внешности. Корявые черты лица, грубая, болезненно темного цвета кожа, желтые белки глаз. Зубы коричневые от чифиря, с гнильцой. И смердело от него нещадно. Игорю вдруг захотелось спросить, откуда такие упыри берутся.

– Да, ты.

– Ну, крещеный, а что?

– Первым у меня будешь. До тебя одни муслимы были.

– К-какие муслимы?

– Ну, мусульмане, чеченцы. Я их всех по именам помню. Аслан, Малхаз, Беслан, Казбек... Как тебя звать? – без всякого ерничества спросил Дергун.

– Слышь, может, не надо? – спросил перепуганный му-

жик.

– Как не надо? Ты же убить меня хотел. Око за око, зуб за зуб... Зовут тебя как? Быстреей давай, уходить мне надо.

– Э-э... Я не хотел убивать, это Симон... – мужик показал на своего дружка, возможно, уже покойника.

– Зачем?

– Ты Сурку глаз выбил...

– Где Юля?

– Так это, Мирон ее к себе на хату увез...

– Где хата?

– Э-э... Я не знаю.

– Ничего, я найду. Зовут тебя как? Последний раз спрашиваю, – Дергун перекрестился, как это делают перед тем, как взять грех на душу.

– Это в Ульяновке, дом там, на Ворошилова.

– Как тебя зовут?

– Номер шестнадцать...

– Как зовут, спрашиваю?

– Ну не надо!

Мужик в панике засучил ногами, по сантиметру отодвигаясь от Игоря.

– Жить хочешь?

– Хочу!

– А как ты жить будешь, если Мирона сдал?

– Э-э...

– Да не бойся ты, страна большая, спрячешься. Сначала

дом в Ульяновке покажешь, а потом живи. Ну, чего тарачишься? В машину давай!

Игорь пнул мужика в живот и кивком показал на белую «девятку». Пистолет он спрятал под куртку, но достать его можно было в любое мгновение. Да и жертве деваться некуда: сдал он Мирона и этим поставил на себе крест.

Уголовник сел за руль, а Дергун – на заднее сиденье, приставив ствол к спинке кресла водителя.

– Хорошая у вас машина, – сказал он, когда «девятка» тронулась.

– Братва помогает...

– Что за братва?

– Заводские и октябрьские. Все на общак отстегивают. Мы их всех имеем.

– Чем занимается Мирон?

– Как чем? Смотрящий он, за городом смотрит...

– Вор?

– Ну, не в законе. Но его точно коронуют. Он тут всех на уши поставил. Никто из воров не смог, а он сумел.

– Юлю он украсть сумел, – зло процедил Дергун.

– Э-э... Ну, да, сдернули девчонку. Но это не я!

– Не думал я, что воры живых людей крадут.

– Всякое бывает...

– Что вы за гниды такие, если у вас девушек можно красть и насиловать?

– Э-э, насиловать нельзя. Беспредел это. За это опустить

могут. Ну, может, и не опустят, но по ушам точно дадут.

– Что с Юлей сделали? – Игорь боялся задавать этот вопрос, поэтому и выдавил его через силу.

– Ну-у...

– Что ну? – Он с криком передернул затвор пистолета, выщелкнув из ствола патрон.

– Э-э... Ну я там не был... Там только Мирон. Он сказал, что всем потом можно будет, но я отказался.

– От кого отказался?

– От Юли.

– Что Мирон с ней сделал? – взревел Дергун.

– Э-э... Ну живая она.

– Мирон с ней?

– Должен быть...

– Еще кто там?

– Отвал с ним, Сазон. Трефан, Смоль... Может, еще кто.

Игорь понимал, что произошло с Юлей. Ярость застилала глаза, и он готов был сразиться с целой бандой, чтобы отомстить за девушку. И он отомстит. Всех, кто попадется на пути, пристрелит.

* * *

Чем крепче зафиксирована женщина, тем меньше на нее требуется сил. Мирон хорошо закрепил Юлю на кровати – и ноги ей в стороны развел, и руки. Он уже собрался осчастли-

вить ее, когда вдруг появился Сазон. Оказывается, у Фрукта возникло к нему срочное дело. Пришлось ехать на стрелку, оттягивая тем самым удовольствие. И всех, кто с ним был в доме, он увез с собой. А то вдруг Юлю оприходуют без него. Пацаны у него ушлые, за всеми глаз да глаз нужен. К тому же на стрелке с Фруктом могли возникнуть недоразумения.

Впрочем, Фрукт и не собирался на него наезжать. Мирон встретился с ним в кафе на территории Октябрьского района, откуда убрали не только посетителей, но и персонал.

– Смута у нас, Сергей Валентинович, братва сходняк требует, – угрюмо глядя на Мирона, сказал Фрукт.

– По теме?

– Почему меня на команду поставили, а не кого-то другого. Сход, сказали, должен был быть, а не было его.

Фрукт щелкнул пальцем по солонке, которая опрокинулась, покатилась и звонко упала на пол.

– Соль просыпалась, плохая примета, – заметил Мирон.

– Да нет, нормально все будет. Вы же вор, вас все уважают, скажете слово, вас послушают.

– За тебя слово?

– За меня... А за кого еще? – разволновался Фрукт. Лицо у него пошло красными пятнами и стало похожим на зрелый персик.

– А кто претендует?

– Груздь.

– Не знаю такого, – сказал Мирон, и Фрукт облегченно

вздохнул. – Думаешь, это я воду замутил? – возмущенно спросил вор.

– Да нет, не думаю...

– Думаешь. Я же вижу, что думаешь. Запомни: я подлянами не занимаюсь. Если ты накосячишь, я тебе прямо об этом скажу. И скажу, и в расход. У меня все просто. И справедливо. Кто такой Груздь?

– Он бригаду у меня держит. Если там стрелка с кем-то на ножах, Груздь собирает своих, подъезжает, решает проблему. Пиф-паф, ой-ей-ей, все такое.

– А тебя на пиф-паф не возьмет? – хмыкнул Мирон.

– Все может быть.

– Сход когда?

– Он сказал, что на завтра нужно назначить. Завтра, в шестнадцать.

– Хорошо, я подъеду. Что еще?

– Да нет, ничего. Если чисто за меня подпишетесь, то ничего.

С виду Фрукт казался простоватым, если не сказать туповатым, парнем. Меланхоличное выражение лица, тусклый взгляд, слова он проговаривал расслабленным языком, поэтому речь у него была не совсем внятная. Но все-таки через эту малахольность просматривался в нем хитрый и жестокий зверь, опасный в своем коварстве. Прикидываясь шлангом, он мог оказаться удавом, способным опутать жертву кольцами, а затем задушить. Но справиться он мог только с мело-

чью, а настоящий крупный зверь ему не по зубам. Глядя на Васю, Мирон почти в том не сомневался. Потому и не боялся его.

– А ты боишься, что я за Груздя подпишусь? – усмехнулся он.

– Есть опасение. Груздь, он хитрый жук, может голову заморочить.

– Мне?

– Ну, это вряд ли. Вы, главное, знайте, что на общак он вам отстегивать не будет. Он вам Свища никогда не простит. Свищ его корешом был. Он со своими пацанами в Москве находился, на разборе, когда вы Свища замочили. Он бы вам спуска не дал, если бы с нами тогда был... Это он так говорит.

– Сказать можно все что угодно.

Мирон задумался. Вроде бы Фрукт говорил правду, но зачем он вообще завел речь о своем конкуренте? Может, он опасается, что Мирон остановит свой выбор на нем? А если он этого боится, то Груздь что-то собой представляет. Но зря Фрукт волнуется: Мирона он устраивал вполне. Хоть он и хитромудрый, но тот же Груздь мог оказаться более коварным человеком.

– Не колотись, все будет путем... Значит, завтра в шестнадцать?

Мирон узнал время схода и отправился к себе в Ульяновку. Жаждалась его Юля, истосковалась без мужской ласки.

Что ж, счастье уже близко.

Калитка в доме была открыта, Мирону это очень не понравилось. Отвал остался с ним у машины, а Трефан и Сазон отправились в дом. Вскоре они подали сигнал, что можно заходить. Сазон при этом усмехался.

– Что там такое? – спросил Мирон.

– Так это, Выдра там. Больше никого.

Выдра лежал на той самой кровати, где Мирон оставил Юлю. Руки пристегнуты к изголовью, ноги также разведены и зафиксированы. Он лежал на животе, и, кроме рубашки, на нем ничего не было.

– Я не понял, ты куда напетухарился? – очумело глядя на него, спросил Мирон.

Выдра вжался лицом в подушку и жалобно застонал.

– Юля где?

– Пацан за ней пришел, – проскулил Выдра.

– Дергун?!. Ты же хвоста за ним водил. Где Симон?

– Да там...

– Где там?

– Ну, лежит... Дергун ему башку камнем проломил и ствол забрал.

– И сюда с тобой приехал?

– Да...

– Ты его сюда навел?

Выдра снова зарылся лицом в подушку и приглушенно завыл. Оправдываться бесполезно, и он прекрасно это пони-

мал. Не важно, каким образом Дергун переиграл Выдру и Симона, главное, он сделал это. С Выдрой приехал сюда, поменял его местами с Юлей и ушел вместе с ней. Ушел с раной в душе. Знает он, что Юлю взяли по беспределу, и в курсе, кто это сделал. А у него ствол, и убивать он умеет.

– Урод! – взбесился Мирон. Он выдернул из-за пояса ствол и выстрелил предателю в затылок...

Глава 7

Прав на машину нет, под курткой ствол с глушителем, но Дергун едва ли думал о том, что его могут остановить, арестовать и осудить. Сейчас он мог думать только о Юле, о том, что с ней произошло. И как отомстить уроду, который надругался над ней. Игорь хотел остаться в проклятом доме и дожидаться, когда Мирон вернется. Он бы пристрелил и его, и всех, кто с ним. Он мог бы и сам при этом погибнуть, но его это не пугало. Игорь боялся только одного – что Юля снова попадет в лапы к воровским ублюдкам, а этого допустить он не мог. Поэтому девушка с ним, и он везет ее домой.

Игорь собирался отпустить Выдру после того, как он поможет ему попасть на воровскую «малину». Но, увидев Юлю, он резко изменил свое мнение.

Она лежала на кровати в одном платье, под которым ничего не было. Она лежала, открытая на всеобщее обозрение. Точно так он поступил и с Выдрой, и плевать, что с ним будет.

Юля молчала всю дорогу и заговорила лишь у самого дома.

– Ты меня бросишь? – спросила она, тупо глядя вдаль перед собой.

– Даже не мечтай.

– Но ты же не сможешь со мной... после того, что было...

– Не было ничего.

– Было! Было! – Девушка истерично топнула ногами, закрыла лицо ладонями и разрыдалась.

Игорь кивнул, глянув на нее. Пусть проплачется, это куда лучше, чем находиться в ступоре. Слезы облегчают душу.

Он остановил машину возле дома, помог Юле выйти. Прежде чем вести ее в подъезд, оглянулся по сторонам. Вдруг воры уже поджидают их? Но засады не было, и они беспрепятственно поднялись на второй этаж. Дверь открылась почти сразу.

– Юля! – Вероника Ивановна с жадностью сгребла дочь в охапку и, благодарно глянув на Игоря, увела ее в комнату.

Он должен был последовать за ними, но ему нужно было отогнать как можно дальше машину, которая ему не принадлежала.

«Девятку» он загнал в дикорастущий вербняк за железными гаражами, там ее и оставил. Может, она ему еще пригодится. А если уведут ее, то и черт с ней. А пистолет он забрал с собой. На охоту можно отправиться и пешком, а без оружия в лес лучше не соваться. Хотя он и готов был убивать голыми руками...

Вероника Ивановна открыла ему сразу, едва он нажал на клавишу звонка.

– Куда ты подевался? – спросила она, увлекая парня за собой в комнату, где на кровати, накрыв голову подушкой, лежала Юля.

– Да так, обстановку обозрел.

– Где была Юля?

– У Мирона. Но я успел вовремя...

– Врет он! Не вовремя! – отбросив подушку в сторону, звонко крикнула Юля.

– Я убью этого уroda, – Игорь сжал кулаки, чтобы его клятва выглядела как можно убедительней.

– Может, не надо? – Вероника Ивановна смотрела на парня, желая вразумить, остановить, но при этом она страстно хотела, чтобы он избавил их семью от воровского проклятия.

– Я. Убью. Этого. Урода, – решительно глядя на женщину, отчеканил он.

– Юля не переживет, если с тобой что-то случится, – мотнула головой Вероника Ивановна.

– Юля не переживет, если этот урод снова выйдет на нее. Он ее в покое не оставит. Он будет мстить и ей, и мне. Он уже мстит мне... Вам нужно куда-нибудь уехать.

– Куда?

– Не знаю, в Москву, в Питер, куда-нибудь в деревню...

– Но у Юли институт... – сказала женщина, но сама же себя и осадил: – Да, ты прав, нам надо уехать.

– Чем скорей, тем лучше.

– Да, да... Юля, нам надо собираться!

– Никуда я не поеду! Никуда! – впадая в истерику, закричала Юля. – Пусть меня убивают! Пусть! Мне все равно!..

Вероника Ивановна обняла дочь, крепко прижав к себе, и,

виновато глянув на Игоря, махнула рукой в сторону двери. Она хотела остаться с дочерью наедине, но парня не прогонила. Он должен был подождать ее в соседней комнате.

Игорь вышел на кухню, закурил. Он видел, как Вероника Ивановна отвела Юлю в ванную. Дверь оставила открытой, чтобы дочь находилась под присмотром. Все правильно, в таком состоянии девчонка могла вскрыть себе вены.

Вероника Ивановна зажгла чайник, вернулась к ванной, снова зашла на кухню, приготовила растворимый кофе.

– Юля очень переживает, что ты ее бросишь, – тихонько сказала она.

– Не брошу. Никогда не брошу! – ничуть не сомневаясь в своих словах, мотнул головой парень. – Да и не за что бросать. Не было ничего... Но уехать вам надо.

– Да, сейчас подъедет Миша, мы поедем...

Игорь оборвал женщину на полуслове. Он не должен был знать, куда они уедут. Вдруг он попадет в лапы Мирона, и тот устроит ему допрос? С пристрастием будет допрос, с пытками. Вдруг Игорь сломается?

Михаил Игнатьевич приехал через час. К этому времени Вероника собрала в дорогу вещи для всей семьи. Она знала, кто такой Мирон, и не строила никаких иллюзий на его счет, поэтому скрываться собиралась всей семьей. А то, что работа у мужа и учеба у Юли, – это ерунда. Жизнь дороже.

От проблем сейчас их мог избавить только Игорь. Он убьет и Мирона, и всех, кто был с ним. Он отомстит за Юлю и

очистит от бандитов свой с ней совместный путь в будущее. Но обещать он ничего не стал. Сначала надо перепрыгнуть, а потом уже говорить «гоп»...

* * *

Так все было хорошо, и вдруг зашаталась почва под ногами. Сначала проблема с Дергуном, потом Груздь рога выставил. Не зря Фрукт опасался этого пацана. За Фруктом было большинство, но Груздь напирал, как штормящее море. Все, кто поддерживал Фрукта, казались жалким берегом, на который накатывались тяжелые волны. И Мирон стоял на этом берегу острой монолитной скалой, о которую разбивались эти волны. Во всяком случае, так ему чудилось. И такой твердью он должен был оставаться, если хотел взять верх в разборе.

– Ты не должен был мочить Свища, – с ожесточением глядя на Мирона, сказал Груздь.

И тут же накатилась вторая волна.

– Это беспредел, – вторил ему Сантос.

И этот пацан казался глыбой. Стальной внутренний стержень, уверенность в себе. На пару с Груздем он заряжал такой же уверенностью и своих дружков, которые стояли у них за спиной. И раскачивал трон, на котором сидел Фрукт.

– Ты кто такой, чтобы рога вмачивать? – с лютой злобой глянул на парня Мирон.

Но тот даже глазом не моргнул. Хотя и нелегко это ему далось, но взгляд он выдержал.

– А разве я никто? – Сантос возмущенным взглядом обвел толпу. – Пацаны, я не понял, у нас что, судимых в команду не берут? Я не понял, у нас что, ментовские порядки?.. А может, кто-то не хочет меня обратно брать, потому что бабу у меня скрысил? – Он резко глянул на Фрукта, который поджал губы.

Фрукт не робкого десятка и мог постоять за себя сам, но сейчас он, казалось, находился в роли стороннего наблюдателя. Его интересы должен был отстаивать Мирон, а сам он как бы и не при делах.

– Ты у меня бабу скрысил! – наехал на Фрукта Сантос.

– Саня срок мотал, а ты у него Вику отбил, – поддержал приятеля Груздь. – И после этого ты говорил, что Саня нам не нужен? И кто ты такой после этого?

– Она сама ко мне ушла, – мотнул головой Фрукт.

Мирон с презрением глянул на него. Каким же жалким казался ему этот тип. Оказывается, вся хитромудрость Фрукта выше бабской юбки не поднималась. Мирон едва удержался от искушения откреститься от него и переключиться на Груздя. Нетрудно было навесить на Фрукта собак и поставить на нем крест. Пацан из его команды срок мотал, а он увел у него бабу и еще обратно в бригаду брать отказался. Это реальный косяк, и на нем можно было сыграть. Но Груздь уже бросил Мирону вызов, поэтому никак нельзя бы-

ло принимать его сторону. Это станет для него поражением, если Груздь или Сантос возьмут под себя заводскую братву.

– Да мне до фонаря, кто к кому ушел! – продолжал переть на Фрукта Сантос. – Я что, с тобой из-за какой-то шлюхи бодаться буду? Да класть я хотел и на нее, и на тебя... Я за Свища с тебя хочу спросить! Свища по беспределу замочили, скажи, ты за него отомстил?

– Как я мог за него отомстить? – Фрукт беспомощно посмотрел на Мирона.

– Ты на его место встал, ты должен был за него спросить! – беспощадно жег его взглядом Груздь.

– С кого спросить, с меня? Вы, пацаны, ничего не попутали? – вскинулся МIRON.

– Попутал ты! – впери́л в него взгляд Сантос. – Ты объявил себя законным вором! Ты кинул Свища! А потом замочил!

– Я не объявлял себя законным вором! – МIRON вложил в ответный взгляд всю свою мощь, но парень как-то не очень смутился.

– Отмазываешься? – злорадно ухмыльнулся Сантос. – Ну, давай, отмазывайся... Ты в законе?

– Нет, – ответил вместо Мирона Груздь.

– Значит, не отмазался. Значит, Свища по беспределу замочили!

МIRON почувствовал себя лохом, которого развели на пальцах дешевые фраера. Развели, взяли на крик. И этот узел

уже не распутать, его нужно рубить. Не так давно он смог это сделать. Он резко вскинул руку, в которой вдруг оказался готовый к бою пистолет, но Груздь и Сантос оказались начеку. Они были готовы к такому финту, поэтому их и не удалось застать врасплох. Груздь приставил ствол к голове Мирона, а Сантос нацелился на Сазона, который еще пока только пытался въехать в ситуацию. Трефан и Смоль впали в ступор, зато пацаны Груздя не облажались. Четыре бойца с ним, не считая Сантоса, и все выхватили волюны. Мирон чувствовал себя волком, которого загнали в угол. Выход у него сейчас был только один – грудью кинуться на штыки, но умирать ему не хотелось. Не в том он сейчас был настроении, чтобы идти ва-банк.

– С нами такой номер не пройдет, Мирон! – торжествующе ухмыльнулся Груздь. – Нас по беспределу не завалишь! А мы тебя завалить можем!

Он сейчас стоял в центре круга, а не Мирон. На него все смотрели как на жожака, а не на Фрукта. В его пользу ситуация, а не в чью-то.

– Ну, давай, вали! – сквозь зубы процедил Мирон.

– А зачем? – хмыкнул Сантос. – Нам с ворами рамсы не нужны. Пусть воры сами тебя на понятия ставят.

– Меня?! На понятия?! – Мирон с ненавистью смотрел на парня, но не стрелял. Если вдруг что, Груздь тут же пристрелит его самого.

– Ты реального человека по беспределу замочил. И крысу

на его место поднял, – кивнув на Фрукта, сказал Сантос. – Мы такому, как ты, отстегивать не будем. Пусть воры другого смотрящего присылают.

Он говорил от имени всей заводской братвы, но никто ему не возражал. Даже Фрукт и тот язык в одно место засунул.

– Ты все сказал? – зло зашипел МIRON.

– Я все сказал. И ты можешь сказать. Только твое слово ничего здесь не решает. Да, братва?

Сидящие за столиками пацаны закивали, соглашаясь с ним. Зато наконец-то разродился Фрукт:

– Слышь, Сантос, ты здесь никто и звать тебя никак!

Но пацан в два счета его умыл. Он выстрелил в своего врага. И хотя пуля прошла мимо, Фрукт натурально сел на задницу.

– Я бы тебя, падлу, замочил! – зло заорал Сантос. – Но нельзя! А то скажут, что я тебя из-за какой-то шлюхи грохнул! А так нельзя! Если за тобой косяки, тебя братва должна судить. Так можно! И так нужно!

– Воры есть, чтобы судить... – Фрукт жалко посмотрел на Мирона, который, как ему самому и казалось, выглядел не лучше.

– Если человек назвался вором, это не значит, что он вор, – ухмыльнулся Сантос.

– Ты за это ответишь! – рассвирепел МIRON.

– Ну, давай, спрашивай!

Сначала Сантос приставил к голове Мирона свой писто-

лет, затем прижался лбом к его стволу. Он шел ва-банк, стремительно набирая очки, и только Мирон мог его сейчас остановить. Но ему не хватило духу нажать на спусковой крючок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.